

МАРК
КАЗАРНОВСКИЙ

ГОРОД,
КОТОРОГО
НЕТ

Марк Казарновский
Город, которого нет

«Алетейя»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Казарновский М. Я.

Город, которого нет / М. Я. Казарновский — «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-067-6

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-067-6

© Казарновский М. Я.
© Алетейя

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Басманная слобода	7
Альбом	27
Часть II	39
Москва. Работа. Любовь. РККА11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Казарновский М. Я. Город, которого нет

Благодарности

Моей жене Элеоноре, которая серьезно прониклась судьбой Вениамина Фогеля.

Ольге Ивановне Орловой за подбор необходимых материалов и прекрасные фотографии Старой Москвы, а также – рецензирование.

Ирине Володиной за редактирование и превращение рукописи в нечто читаемое.

... Исторический роман
Сочинял я понемногу,
Пробиваясь, как в туман,
От пролога к эпилогу.

Были дали голубы,
Было вымысла в избытке,
И из собственной судьбы
Я выдергивал по нитке.

В путь героев снаряжал,
Наводил о прошлом справки,
И поручиком в отставке
Сам себя воображал.

Вымысел не есть обман,
Замысел – еще не точка.
Дайте дописать роман
До последнего листочка...

... Каждый пишет, что он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить.
Так природа захотела,
Почему, не наше дело,
Для чего, не нам судить.

Б. Окуджава

Предисловие

Это рассказ о Вениамине Фогеле из цеха аптекарей Фогелей. Хотя, как показывает жизнь, настоящим аптекарем он так и не стал. Но в свободное время в аптеке подрабатывал.

Вениамин, или Венька, был несколько меланхоличным. Высокий, рыжеватый и глаза голубые. Все в жизни воспринимал, следуя поговорке – делай, что должно, а там уж все само сложится.

Иногда правда, не все складывалось, но на то она и есть – жизнь.

Наш герой прошел в СССР все невзгоды, сопутствующие тому, советскому времени. И счастливые моменты были, но не так уж и много. Но – были.

И остался жив. Что само по себе удивительно. Учитывая времена, в которых он проживал.

Он приехал в Москву в 1925 году и был поселен со своей семьей в бараке Аптекарского переулка. Так и остался там.

Иногда встречается со своими друзьями по двору, школе.

Разговаривают разговоры, вспоминают близких. Друзей. Многих нет и уже не вернешь. Остается только кричать небу – что же ты наделало!

Но молчат облака, звезды, дожди и туманы.

Просто – молчат.

Вспоминает ли он город, в котором родился. Где были радостные годы детства, когда цветы пахли изумительно, трава была изумрудного цвета. И даже была девочка Бася. Первая, самая чувственная любовь. А это не забывается. Как не забывается и сам город, которого, оказалось, – больше нет.

Но – все по порядку.

Часть I

История семьи аптекарей Фогелей. Басманная слобода. Кёнигсберг. Перемена Родины. Альбом

Басманная слобода

Басманная Слобода сформировалась в те давние времена, когда мастеровые делали изящные басманы из хорошей кожи, а вокруг храмов, церквей и общественных садов строили красивые особняки купцы, промышленники, адвокаты.

Да как здесь не селиться то? Прямая дорога, великого князя враз домчит от Спасской башни до Измайлово, например, а вдоль дороги стоят особняки царских слуг. Напоминают князю: вот мол я! Здесь, государь, только мигни. Всё тотчас исполню.

Купцы же помимо уважения к царям занимались богоугодными делами, ставили храмы, собирали картины, книги и иные раритеты. Так в домах по басманным улицам вдруг образовались изрядные музеи стоимости неслыханный. Но! Всё это богатство в одночасье исчезло и растворилось в вихре известных всем событий 1917 и последующих годов. Это небольшое отвлечение. Наше повествование совсем о другом. Но уж никак нельзя удержаться и не упомянуть богом благословенные места славной, старой, уже пропадающий Москвы-матушки.

Вот и идем мы по переулкам и улочкам Басманной слободы. Площадь Разгуляй, а от неё по Доброслободской направляемся к баням. Доброслободским же. Но нет. Приостановимся и ежели повернем налево, то окажемся в Аптекарском переулке. Он ещё иногда называется – Туманный. Это когда туман от речки Яуза, да пар от бань Доброслободских вдруг возьми и накрой половину Аптечного. Сразу начинает казаться, что ты не в Москве вовсе, а где-то в Подмосковье, этак на 60-м километре. Птицы, белки, ежи, зайцы. Акации. Впрочем, акации и в Аптечном очень даже хорошо цветут. А уж запах!

Так вот, река Яуза. Ещё пока, слава Богу, в трубы не убрана. Значит, можно увидеть и лягушку, и пескаря, и водомерку. А на мостиках у бывших садов графа Разумовского стоит рыбак. Смотрит, смотрит на свои поплавки. Да нет, думается, смотрит он на свою жизнь. А что думает? Может, что вот течёт эта жизнь мимо поплавок. Только лишь лёгкую рябь оставляет. Размышляет, верно, и про жену. Что опять будет ругать его за пиво. Или ещё за что. Жена – найдёт. Вот ведь как интересно получается у нас, у мужчин. Мы ведь всегда любим, да-да, любим одних. А женимся совсем на других. Поэтому рыбак решил пескарей отдать коту, а сам он пойдёт в Доброслободские бани. Пива попить. Наверняка и Чапа с Жекой, и Сашка с Валькой да Игорёк уже давно там. Что-что, а пиво не пропустят. Мужики правильные. Так вот неспешно размышляет рыбак, направляясь к Доброслободским баням. Благо, всего-то пройти 3-4 минуты.

Рыбак наш шел ударить по пиву, да нет-нет, а фронт вспомнит. Война, кто её хлебнул, никого не отпускает. Даже молодых совсем пацанов. Они меняют немецкие марки на немецкие же монетки. Слушают, раскрыв рты, рассказы подвыпивших. Хотя, правды ради, настоящие фронтовики о войне не рассказывают. Также, как и лагерники – об лагерях.

Ибо – рассказать про это невозможно. А ежели правду – да кто поверит. Что кишки из разорванного живота солдат руками схватил да до санбата дошёл. И зашили. И жив остался. Вот вам и рассказы о войне.

А встречаются мужики всё реже и реже. Всех разбросало. Ну, едут к Сашке в Измайлово. Далеко то как, от Аптекарского. Впрочем, может даже и недалеко. По теперешним понятиям.

Когда Москвы вовсе не стало, а стали Тропаревы, да Бескудниковы, да Фили – Мазилковы – прости Господи.

У Сашки наши герои и приняли без меры. Хотя природа шептала: мужики, что вы делаете! Остановитесь! Нельзя на грудь так сразу и так много. Ведь вам уже даже не 70. Но куда там!

А что только наша любезная водочка не делает. Вспоминают мужики свои Токмаковы, да Бабушкины, да Гороховские. И плачут. Размазывая сопли по пиджакам французского покроя, да роняя слюни на рубашки с эмблемой крокодила (это значит – дорогая).

А Сашка вдруг неожиданно и заявил:

– Вы мужики не знаете ничего!

– Как это ничего, – загалдели мужики.

– Да вот так, – и Сашка обвел всех мутным, но с хитринкой, взглядом. – Наш Венька кем в войну был?

– Да, небось, в Ташкенте чай гонял, – ляпнул Жека. Нет, не со зла. А так, дворовая привычка. Где главное – ляпнуть первым.

– Ха-ха, Жека, ну ты и тупарь, – Сашка даже рассердился немного. – Венька к твоему сведению был разведчиком.

– В тылу у немцев, вот где был Венька.

– Ну так бы и сказал, – снизил накал Жека и тут же предложил выпить за Веньку. Выпили. Тут же мужики предложили вызвать мотор и Веньку в компанию втянуть.

– Это свинство, ведь он один ещё держится в наших Аптекарских. Это мы все родину продали, да то на Аминьевскую, то на Молодежную, то в Фили, как тараканы разбежались.

Мужики согласились, что да, где-то они малую родину продали. Хорошо, что хоть не пропили до конца.

Как изменилась жизнь советская при развитии капитализме! В том смысле, что через 40 минут в дверь звонил Венька! И все разом бросились Веньку целовать. Правда, осторожно, ибо пьяные-пьяные, но левая половина лица Вениамина была покрыта каким-то коричневого цвета струпом.

Да, вот вам и ответ о рассказах о войне. И рассказывать не надо. Надо просто увидеть Веньку. И снова пили. И плакали. И снова пили. Сашка был, кстати, женат. Но жил один. Может, в душе ему многие завидовали. А сейчас было всем хорошо. Ибо остались у Сашки ночевать. Правда, ближе к часу ночи Жека вдруг загорелся вызвать дам. Мужики здраво, хотя и заплеталось уже всё, заявили, что да, дам даже очень можно вызвать.

– А что делать-то с ними, – вдруг спросил лауреат Госпремии Игорь Штейн.

– Да хоть приберут здесь, – после размышлений решили мужики и разом отрубилась. Все, даже Венька. А дамы так и не приехали.

Им даже снилось. Вообще, сны или, вернее, исследование сновидений – наука серьёзная. Женьке, или Жеке, снился сон простой, но в некоторой степени напряженный. Мол, он докладывает Маршалу, Министру обороны документ, только что полученный из посольства страны Руанда. Это – эндюзер, документ, подтверждающий право на приобретение вооружения от министерства обороны СССР. Жека переводит документ с английского и в конце текста видит, что вместо подписи премьер-министра Руанды Мбаби Четвертого стоит сальное пятно с отпечатком чьего-то большого пальца. А на обратной стороне документа, кстати, на папирусе (особо важная почта), во весь лист явственно проступал отпечаток чьей-то босой ноги. И видно, не очень чистой.

– Что это! – рывкнул министр СССР. Жека набрал в легкие воздуха, сколько возможно, но выдохнуть не смог. Он задыхался. Вроде, министр Руанды держал его за горло. Последним усилием Жека вырвался и упал, к счастью, с дивана. Да, это хорошо, ибо подушка все дыхательные пути Жеке, сотруднику Генштаба СССР, что на Арбате, перекрыла. Не упади с дивана полковник Шишков Евгений Иванович, так может и задохнулся бы. Но нет, не задохнулся.

Задышал часто-часто и остался спать на полу, на немудреном коврик Сашкиной квартиры. Коврик якобы женин, но как говорят в Одессе, кто вам считает.

Игорю Штейну, кстати, самому более-менее ясно мыслящему в этой компании крепко выпивших, сон явился тревожный. Как и вся его жизнь после получения лаборатории, коей он руководил, Государственной премии СССР. Короче, снился ему актовый зал дома культуры академии наук СССР, где его просят выступить и объяснить некоторые разногласия по выключателям какой-то ГРЭС.

Ах, это давняя история, споры со смежниками по поводу выключателей на Бурятской ГЭС, думалось доктору.

Игорь Семёнович да, доктор, кстати, наук не только СССР, но и Гарварда (почетный), начал было оборачиваться, искать доску, где он мог бы в очередной раз посрамить этих гадов из Минэнерго. Им и денег дали. Так нет, всё мало.

Но вместо доски, мела и указки ведущий собрание товарищ, очень похожий на Сулова Михаила Андреевича, скрипучим голосом вдруг произнес:

– Коротко скажите нам, господин Штейн (Господи, как он меня называет! Почему не товарищ? Или хотя бы – гражданин мозга). Эти мысли лихорадочно метались по воспалённой оболочке полушарий головного.

– Так вот, скажите-ка нам, уважаемый, как вы скрыли от государства, партии, науки и вашего института биографические данные.

– Да какие, – возопил Игорь. – Ни в коем случае я ничего не скрывал. Только правда, вместо отчества Семёнович было – Срульевич. Но это партбюро института известно.

– Так, обратите внимание, – тихим скрипом продолжал Сулов. – Не хочет быть честным наш доктор наук. Не желает разоружаться перед партией и народом. Придётся мне сорвать покрывало с этого мимикрифицирующего субъекта! А ларчик открывается просто. Он такой же Штейн, как я – Гриншпун. (В зале раздался смех). Его настоящая фамилия – Пупыскин Иван Семёнович. Так он обманул всех и ещё в деревне взял фамилию сосланного навечно Штейна. Вот вам его лицо.

В зале раздался рев и визг. Кто-то даже захрюкал. Вдруг все стали скандировать:

– Пупыскин, верни деньги!

В этот момент Игорь повернулся на другой бок и продолжал спать. Иногда тревожно вздыхая.

Эх, ах, ну до каких фантазмагии доводит нас, россиян, неумеренное потребление.

Сашке, который после долгих юридических тонкостей утвердился в красивой фамилии Мещеряков, с приставкой – граф, сон снился почти не тревожный. Даже, пожалуй, игривый. Какая-то девица, явно француженка, очень даже блондинка, всё время требовала от Сашки любви. В самой извращенной форме. Что это такое, Сашка и не знал, а ежели знал, то позабыл. Он просто в самые напряженные моменты оргии зажимал ей рот и уши. Объясняя, что только такая любовь была в его роду.

– И если бы не коммуняки! – возопил он и проснулся. От того, что пукнул. Он, человек деликатный, испугался, что подумает это развязная француженка. Но сон продолжался, ибо она почему-то по-русски сказала:

– Ах, граф, как вы милы. Это любовь по-русски. Просто сплошной шарман! После этого Сашка снова заснул. Спокойно, с чувством выполненного долга.

Чапе не снилось ничего. Он выпил слишком много. Просто очень. Здесь уже не до снов. Остаться бы живым. На этот раз – остался.

Венька по случаю опоздания выпил немного. И спал отлично. Но сон был у него почти всегда один и тот же. Идет бой, а он, водитель, сжёт главный фракцион. Все танки уже давно впереди, а он застрял в какой-то мешанине досок, стекла, фанеры. Вот так и окружили его немцы. И рация не работает, сел аккумулятор. Его, Веньку, вытаскивают немцы. Но не бьют

и не убивают, а тащат к офицеру. Он сидит за столиком на газоне. Пьет кофе. Рядом Нина! И офицер говорит: вы, как офицер, должны немедленно жениться на Нине. А Венька отвечает, что он – старший сержант.

Спать уже не мог. Пошёл застирывать рубашку. Запачкал ее кровью. Надо же, как выпьет, так ожоги щеки и плеча начинают кровоточить. Он задремал, ему приснилось, что снимает в сгоревшем танке радию, а что-то ему мешает. Смотрит, ботинки водителя обгоревшие. А в них – стопа ноги.

После этого Веня проснулся окончательно. Тихонько вымыл посуду, нашёл кофе. Поставил чайник. Ему показалось, что он снова со своим экипажем в родной Пруссии и тихонько будит командира танка, лейтенанта. Вставайте, мол, ребята, я кофе сварил. Да вот вставить то некому. Нет его команды. И Веня тихонько заплакал. Да-а, к старости все становятся слезливые и сентиментальные.

* * *

Утром же все благодарили Веньку и пили кофе. Игорь пил чай и был мрачен.

– Если бы вы знали, что мне снилось. Вот водка чертова, что делает.

– Да не говори, Игорёк. Я чуть третью мировую не развязал, – буркнул Жека и закурил сигару. Такая у него оказалась фишка: после пьянки, по утрам сигара обязательно.

Все посмотрели. Хмыкнули.

– Конечно, Генштаб без утренней сигары – уж совершенно не Генштаб, – серьёзно произнёс Венька.

Все захохотали и начали привязываться к Вениамину. Расскажи да расскажи, как ты попал к немцам в тыл. В смысле – разведчик.

– Да совсем просто. Ведь это – Пруссия, моя родина. Можно сказать, фазерленд. Правда – бывший. – Вениамин тяжело вздохнул. – Правда, долго придётся излагать, особенно когда вы все – с бодуна.

– А мы не торопимся, – сказал Сашка и налил ещё чашечку кофе. Рука немного подрагивала, а так ещё вовсе и ничего. Держался.

Да и остальная компания, даром что всем за 70, нет, чего там, уже восьмидесятью попахивает вовсю, так вот, компания держалась молодцом. Не последнюю роль и ликер сыграл, «Куантро», что Сашка выкатил к кофею.

Ребята приходили в себя и готовы были слушать Веньку внимательно. Да и как иначе. С ним учились. Он воевал. И вон – инвалид. Оказалось вовсе даже немец. Русский. Но тут у Веньки всегда путаница. Не то он немецкий еврей, не то он – еврейский немец. Но разбираться – поздно. Уж годы не те и страна не та.

Тут, правда начался, как и бывает, вялый спор. Не то он прусский еврей, не то еврейский немец, не то – наш советский можно сказать Вальтер Скотт. Почему кто-то ляпнул про Валера Скотта, очевидно – спьяна. Да и Штирлиц к тому времени ещё не был написан. А Веня, глядя в окно, стал грустный и сказал:

– Я вам, ребята, расскажу историю моего рода. Но не всю. Жизньто продолжается. А явки и пароли не выдам. Знаете, почему? Да я их просто забыл. – И он засмеялся.

– В общем, я вам и рассказывать ничего не буду. Просто дам читать записки о моей семье. Конечно, не такого древнего рода, как у нашего хозяина, графа Мещерякова, но тоже под две тысячи лет. – И он снова засмеялся. – Читайте, да вернуть не забудьте. – И передал ребятам затрепанную рукописную книжицу, которую все начали листать с большим интересом. Ниже мы приводим текст книжицы полностью. Во-первых, чтобы не потерялся. Во-вторых, для понимания жизни простых ребят в непростое время XX века.

* * *

В Москве на левом берегу Яузы в XVII веке жили в избах солдаты когда-то потешных полков. Из которых потом и сформировалась армия российская. Потешные жили в избах и образовалась Преображенская слобода.

А далее шла Лефортова слобода. На взгорке для солдат был построен первый гошпиталь. При нем же была открыта школа лекарей и сад для разведения лекарственных растений. Там же неподалеку построен первый дворец императрицы Российской – Анненгоф летний.

Чуть повыше гошпиталя шли дома зажиточных и не очень иностранцев, что испокон веков селились за Яузой, в своей немецкой слободе.

В одном из домов утром 1754 года проснулся немецкий подданный, с патентом лекаря и хирурга, по фамилии Фогель.

Дом у Фогеля Иоганна Михайловича был двухэтажный, в нижнем помещалась его же аптека со всеми разрешениями. А верхний этаж с отдельным входом занимал собственно Фогель. Был у него и кабинет с массой интересных книг, и зала для приема не очень большого количества гостей и даже при спальне он приспособил будуар. Будуар этот интересовал многих жителей немецкой слободы. Ибо очень уж остроумно в нем был организован нужник. То есть, из будуара шла труба до первого этажа, а затем чуть под землю, где вкопана была емкость. И все, что герр Фогель производил в будуаре, лилось или падало по трубе прямо в емкость. И ещё водой проливалось. Далее золотарь уж емкость время от времени освобождал. А чтобы запахов из трубы не шло, придумал хитроумный Фогель заглушку. Да ещё с игривыми виньетками.

Фогель Иоганн Михайлович являл внешним видом совершенного немца. Высокий, даже скорее – длинный, с рыжими волосами, но не очень, с баками, как у шкипера. Все было немецкое, от прибалтов. То есть, из Кёнигсберга. И веснушки. И глаза голубые немного на выкате. И лоб хорошей формы.

Руки были руками аптекаря и врача. Недаром немецкие фрау и медхен, после посещения Фогеля отмечали: как он возьмет мою руку, у меня сердце просто млеет. В общем, немец. Да вот и нет. Вовсе не немцем был герр доктор Фогель. Ежели вы внимательно в лицо взгляните, то отметите чувственные губы. И глаза хоть и голубые и чуть даже навывкате, но что-то есть в них этакое. Грустное.

Волосы. Да, с рыжиной. Но вот приглядеться, есть в волосах какая-то курчавинка.

В общем, не будем интриговать. Фогель по фамилии был натуральный Фогель. Но звали его в детстве Иосиф. А отец у него был Моисей. Вот вам и открылось. Фогель был иудей. Но семья его испокон веков проживала в Кёнигсберге, были все предки заслуженные врачеватели, а значит обеспеченные и почтенные люди. Давно приняли католическую веру. Ходили нечасто, но исправно в кирху (что в наше время в Калининграде напрочь разрушена) и работали. Иногда тихонько совершали обряды, завещанные предками. И просили прощения у Бога. Бог еврейский, вероятно, понимал, что жить среди «неверных», значит – крутиться. Ну и крутитесь, а я, – так думал Бог, – буду по мере сил помогать своему бродячему народу.

Вот таким образом Фогель-младший и решил отправиться в Россию. О которой у них в городе информации было предостаточно.

И заработок пошел. В аптеку пришлось взять ученика и старшего провизора. И все равно с утра до вечера трудились все, изготавливая помады, румяна, средства для отбеливания лица (молоко, сметана, мед яичный желток, сок огурца, отвар петрушки). Да сколько стояло по полкам из красного дерева мазей, микстур, настоек трав, банок с растираниями.

Всё было в аптеке. У Фогеля безусловно аптечное дело было наследственное. И не смолкал, звякал колокольчик на первом этаже.

– Ах, фрау Грета, вы прекрасны.

– Ну, герр Фогель, вы как всегда – дамский угодник. Все не могу выучить вашу французскую фразу про кожу.

– А, эту: *peau veloutée* – *peau satinée*¹, ха-ха-ха.

– Этот ужасный французский язык, не находите ли, герр Фогель.

– Нисколько, фрау Грета, ведь это: *C'est très bien porté*². Вам как всегда, для очищения лица и растирания для колен. Арнольд, обслужи фрау Гретхен, *bitte*³.

И так целый день. Динь-звяк, динь-звяк. Динь – это колокольчик. Звяк – это монеты в кассу. Ура, жизнь идет!

Но была ещё и личная жизнь. Как же без неё. Хоть Фогель был и длинный и на вид этакая немецкая флегма, но вовсе нет. Нет! Бушевали в душе Фогеля страсти восточные. Редкие, подчеркиваю, редкие дамы, коим удавалось убедить Фогеля в своих глубоких чувствах посредством невразумительных стихов. Мол, очень хочется.

«Вот и пот скользит по шее,
И я млею, млею, млею...»

И подобную ерунду. Фогель иногда поддавался и тогда, победно улыбаясь, дама своим подружкам такое рассказывала. Вероятно, весьма привирая. Ибо, какая Евина дочь удержится, чтобы не приврать.

Но оставим потомкам эти отвлечения.

Дела у Фогеля шли хорошо, он ещё одну аптеку открыл недалеко от Лефортова. До сих пор переулочек тот называется Аптекарским. Да и аптека на углу до сих пор стоит. Пока!

Фогель при случае русские деньги превращал в золотые талеры и посылал с оказией в Кёнигсберг. В банк своего дяди – тоже Фогеля. Вот такие они, Фогели.

У Фогеля была прислужница, которая выучилась аптечному делу и споро растирала мази или продавала белила. Звали девушку Мария. Фогель называл её – Марья. Или ещё – мой котенок. И чувствовал – он любит эту русскую прислужницу, эту Марию – Машу больше всех аптек, лекарств и перевязочных материалов. А может – и больше жизни. Вот как бывает, оказывается!

Было у Фогеля ещё одно увлечение. Астрология. Он вообще увлекался небом. Купил телескоп и на чердаке в светлые ночи по звездному атласу древних составлял гороскопы.

Дело это, астрономия, было не тайное. Не под запретом. И церковь, хоть и искоса смотрела на звездочетов, но терпела. На костер не тащила и в чернокнижники не записывала. Но...

Фогель и гороскопы, и гадания по звездам составлял, даже за деньги, но особо этот свой «бизнес» не афишировал. По старой еврейской привычке – чтобы не завидовали.

Но гороскопы составлял, гадая по звездам и иными методами – производил и за это в немецкой слободе был даже уважаем. Так как знал, что, кому, когда нужно было нагадывать.

Поэтому Гертруды, Элизы и Минны благополучно выходили замуж за бравых, налитых пивом офицеров, а вдовушки и вообще одинокие особы тоже получали утешение в виде обещаний светлого будущего. (Совсем как несколько веков спустя народ российский тоже ждал в стране СССР этого светлого пришествия).

В общем, Фогель угадывал, делал все осторожно, хоть и балансировал. Тихонько, но счет герра аптекаря и звездочета Фогеля в банке его дяди в Кёнигсберге рос. И это было хорошо.

Пока однажды не стало плохо. Не совсем, но...

¹ *peau veloutée* – *peau satinée* – кожа бархатная или атласная (*фр.*).

² *C'est très bien porté* – Это хорошо звучит (*фр.*).

³ *bitte* – пожалуйста (*нем.*).

* * *

Однажды в подъезд, что вел в покои герра Фогеля, постучали. Да громко. Нетерпеливо. Кажется, даже властно.

Фогель с российской действительностью особо не сталкивался. На ассамблеях все больше были свои, местные. Немцы, французы, меньше – англичане. Ко двору он, слава Богу, приближен не был. Врачи двора Фогеля избегали из-за опасения, мол, кто его знает. Принесет, мерзавец, мазь императрице и попадет в «случай». И уж раскроет матушке – государыне, что вовсе дворцовые лекари не смыслят в деле Гиппократов.

В дверь стучали. Фогель спустился быстренько, однако, в левой руке стилет припрятал. Слобода хоть и немецкая, а жизнь-то российская. Лихих людей хватает.

За дверью стоял в отличной шубе-накидке человек, у которого и спрашивать кто он и зачем – язык не поворачивается. Стоял вельможа. И даже без шпаги. Правда, за ним виделись два звероподобного вида гайдука, и Фогель понял – шпага этому господину совсем без надобности.

– Что вам угодно, ваше сиятельство, – спросил Фогель довольно твердым голосом.

– Вы мне угодны, герр Фогель Иосиф Моисеевич, – внятно произнес вельможа. От того, что он услышал, у Фогеля лицо покраснело и бросило в жар.

– Прошу ваше сиятельство пройти в мои скромные покои. Только я не Иосиф Моисеевич, а Иоганн Михайлович. Вы что-то путаете.

– Да, вероятно, – усмехнулся вельможа. – Я просил бы у вас, господин Фогель, уделить мне минут 30 вашего драгоценного времени. И выньте из рукава стилет. Вы что, всех так встречаете?

– Ах, извините, иногда шалят, вот и приходится.

– Как шалят, – и вельможа сделал большие глаза. – Неужели в городе, где провела лучшие молодые годы своей жизни наша императрица, есть воры и разбойники. Я удивлен.

Фогель смешался окончательно. Тут и стилет. И это имя и отчество. Да и кто же он такой.

– Не буду вас интриговать, почтенный Иоганн Михайлович, я граф Ушаков Андрей Иванович, управляю тайной канцелярией ея Величества. Меня можно называть просто – ваша светлость.

Фогеля пробила дрожь. Ушак-пашу, так его называли в слободе, знали, ещё как знали. Но Фогель собой овладел быстро, предложил располагаться и быть, как у себя дома. Распорядился Марии насчет кофе. Конечно и печенье. И ликер.

– Ну, это потом, любезный Фогель. Я к вам по делу. Оно не особенно и секретное, но все-таки.

В общем, мне нужно составить гороскопы на некую персону дамского полу. Это первое.

Второе – гороскопы на молодого человека – его жизненный путь.

Наконец, и это уже не секрет, хотел бы узнать и о себе, что меня ожидает. Ведь жизнь при дворе, сами понимаете, – сказал Ушаков бархатным голосом и так доверительно и интимно, что Фогель, ничего не поняв, только и произнес – конечно, конечно.

– Прошу минуту, Ваша светлость, я возьму бумагу и перо. В этом деле с гороскопом любая мелочь важна.

– Прошу вас садиться, ваша светлость. Прежде, чем подготовить гороскоп персоны, я должен задать вам несколько вопросов.

– Ну, – как-то неуверенно произнес граф. Фогель заметил, что Ушаков немного сник.

– Я буду составлять гороскоп на лицо, основываясь на астрологии рождения, ежели вы не против.

– Я, герр Фогель, в ваших гаданиях не разбираюсь и не стремлюсь разобраться, – сказал несколько нервно граф. Задавайте вопросы.

– Хорошо, мне нужно знать число и год рождения. И пол, то есть, мужчина или женщина.

– Это женщина. Рождения последнего месяца 1709 года.

– Хорошо, ваше сиятельство. Гороскоп будет готов через 5 дней.

– Я за ним заеду завтра. Что до молодого человека – могу подождать ещё два – три дня. Он рождения 1740 года и более ничего. Мой гороскоп мне не нужен – я передумал.

Стоимость вашей работы назовете мне при передаче гороскопов. И последнее – не буду вас пугать. Просто, ежели когда-нибудь ваш гороскоп станет кому-нибудь известен, вы будете находиться в крепости до скончания вашей жизни. И без телескопа. И без Марии.

Граф улыбнулся и вышел, накинув шубу.

Приблизительно час герр Фогель приходил в себя. А через час он уже понял – первый его клиент – императрица Елизавета. Год рождения и месяц совпадали.

– Ну, ладно, сделаю. Ушаков и ея величество будут довольны. И денег не возьму.

Тем не менее начал думать. Думы умчали его в город Кёнигсберг, куда нужно бежать немедленно после гороскопов. Только подорожную подготовить – это за деньги и небольшие легко сделать. А Марию даже и уговаривать не нужно.

К утру первый документ был готов:

«Его сиятельству графу Ушакову Андрею Ивановичу, в собственные руки.

Ваша клиентка экстравагантна, как и все женщины астрального знака Стрелец, коему она принадлежит.

Она правдива, любит путешествовать и не любит сидеть на одном месте.

Ваша клиентка доверчива. Её часто может обмануть даже друг. Её сердце абсолютно незащитно, из-за чего ей часто приходится сильно страдать.

Она не питает особой склонности к браку. Она нежна и сентиментальна, но не любит домашние обязанности. У неё редко бывает плохое настроение, она любит принимать и развлекать гостей.

Ея стихия – огонь. Знак ея мутабельный. Опасный год для здоровья – 1760-е годы. Однако жизнь до этих лет будет спокойна и не подвержена вражеским или недоброжелательным воздействиям

Преданный вам, граф, всем сердцем. И готов к услугам.

Ваш Фогель, аптекарь.

Немецкая слобода,

Проезд Лефорта, В собственном доме».

«Его сиятельству графу Ушакову Андрею Ивановичу в собственные руки.

Звезды дают неопределенные результаты судьбы молодого человека 1740 (приблизительно) года рождения.

Одно можно сказать с уверенностью – созвездия в его год установили такой треугольник, что из него молодому человеку не выбраться.

Звезды предрекают ему страдания, однако жизненный путь его может прерваться только после 1770-х годов. Но ближним он не угрожает.

Преданный вам всем сердцем.

Всегда Ваш, Фогель, аптекарь»

Через несколько дней при очередном докладе граф Ушаков прочел императрице оба астрологических прогноза Фогеля. Императрица была удивлена.

– Ты смотри, Андрей Иванович, про меня пишет, словно жил во дворце, али моим кофешенком работал. Но вроде предсказания добрые, а уж верить али нет, кто знает.

– Я полагаю, довериться возможно. Ведь главное, он же не знал персону, на которую гороскоп составлял. Что до известного нам молодого человека, то прогноз неутешительный, да уж точно Фогель этот не мог знать, что это Иоанн.

– Вот то-то и оно. Что знать ничего не мог, а в точку попал.

– Дак это же звезды, Ваше императорское...

– Да оставь ты. Ну какие звезды, когда он, этот Фогель, русским языком пишет: из треугольника, сиречь крепости, ему, Ивану, не выбраться. Кажется мне, догадлив этот Фогель. Ты бы его взял да поспрошал в Преображенском.

– Как прикажешь, матушка. Токо ты ведь знаешь, на дыбе все сознаются, что было или что не было. Только себя запутаем. Лучше я посмотрю за ним, тем более, что он вроде отъехать в Кёнигсберг хочет, якобы за лекарствами. И пушай отъезжает. А его прислужницу мы здесь оставим. Вот и посмотрим, что он знает, чего – не знает.

– Пожалуй, ты прав, граф. Я это одобряю, ежели там у них амур, то Фогелем и управлять можно.

– Конечно, амур. Да ещё какой.

По поводу амуров императрица была готова говорить долго и со знанием дела.

Решение было принято. О чем ни звездочет, аптекарь Фогель, ни его возлюбленная Мария не знали и не ведали. И звезды их подвели – молчали звезды.

Аптекарь Фогель вернулся из присутствия довольный. Подорожную получил неожиданно легко. Да и мзда была небольшая. Там же договорился о карете, грузовой повозке и небольшой охране. Все неожиданно легко сладилось и Фогель подъехал к своему дому только под вечер, довольный и веселый. Эй, звезды, где вы? Намекните хоть Иоганну Михайловичу, что радоваться рано. И на самом деле, на первом этаже аптеки царила полная растерянность. Арнольд стоял бледный, с заплывающим глазом. А две девушки – помощницы провизора были заплаканы и растрепаны, что в заведении Фогеля было просто немыслимо. Однако – возможно.

Прояснилось все быстро. Арнольд рассказал, ворвались трое огромных гайдуков. Один схватил Марию, двое принялись бить Арнольда, да и девчонкам досталось.

То, что не понимали служащие, Фогель понял сразу. Хорошо, лошади были не распряжены.

– В Преображенское, – распорядился хозяин, благо от немецкой слободы было совсем ничего.

В Преображенском приказе свет ещё горел. Солдат, услышав, что Фогель к самому графу и его ждут, пропустил.

Ушаков сидел, накрывшись шубой. И в валенках. В помещении было холодно, промозгло и темно. Горело несколько свечей. Фогель боялся, что увидит страшные картины, но ничего не было. Граф даже не удивился его приходу. Не удивился, когда Фогель упал на колени перед графом, но произнести ничего не мог. Спазм перехватил горло.

– Хотите меня о Марии, вашей служанке попытать? Не будем тратить время. Вы мне рассказываете, откуда вы знаете, где находится молодая персона, о которой вы дали мне гороскоп, а я возвращаю вам служанку. Кстати, не волнуйтесь, обращались с ней со всем вниманием. Я распорядился. Так как?

– Ваша светлость, я абсолютно ничего не знаю, кто эта персона. Это все звезды.

– И что, «треугольник» – это тоже звезды?

– Конечно, ваша светлость, только звезды. Я захватил все расчеты. – Не вставая с колен, Фогель достал ряд таблиц, графиков, атласов звездного неба. Ушаков притворно прикрыл глаза и спросил с какой-то задушевностью:

– Что, Фогель, она тебе очень дорога?

– Больше жизни. Возьмите мою, только дайте ей свободу.

– Так ты точно не знаешь ничего про персону?

– Клянусь жизнью своей, ничего.

– Хорошо. Поверю, хотя вашему племени верить нельзя. Протянешь палец – потеряешь руку. Ладно, иди, езжай и не волнуйся. Посидит твоя служанка в крепости. Я распорядился сухую ей камору выделить. Да там и сидельцев, почитай, и нет. Вернешься – получишь девку. Коли молчать будешь. Иди.

Но идти у Фогеля не получалось. Он не мог встать с колен, как ни пытался. Все шептал – извините, ваше сиятельство.

– Ладно, мы здесь и не такое видали. Прохор, поди помоги герру Фогелю встать да выйти. И помогай с береженьем. – С этими словами Ушаков погрузился в какие-то бумаги. А Фогеля вроде бы и не было.

Только выйдя из сеней избы, ощутил Фогель, что он ещё жив. И все может и сладится. И сначала даже не понял, что Прохор ему тихонько шепнул:

– Не трусь, немец. Машка твоя в крепость доставлена с береженьем и здесь допрос был, но без пытки. Да мы и видели, она вроде дитю ждет. Езжай, не бойсь. Счас все равно ничего не добьешься, к государыне не попадешь.

И ловко так положил в карман своего армяка два золотых, что Фогель ему тихонько сунул.

Ехал домой, в свою аптеку. А слезы бежали и бежали.

Он принял решение – уезжать.

* * *

В Кёнигсберге собрался большой совет всех прусских Фогелей. Вроде даже лютеран.

Русским Фогелем, так называли нашего аптекаря, была изложена вся история, включая, главное, Марию. Наступила тишина. Когда кто-то пытался прервать её, на него зашикали:

– Тихо, Фогель думает.

Наконец, заговорил самый старей Фогель. Который, очевидно, по старости уже не скрывал ни своей конфессии, ни своего происхождения. Все почтительно называли его «Реб Фогель».

– Так, что мы имеем, – произнес он наконец. – Мы имеем аптекаря Фогеля и его девушку Марию. Которая беременная сидит по милости императрицы российской в крепости. Что нужно сделать. Во-первых, не лезть в эту астрологию. Нам и без звезд бывает плохо. Во-вторых, дать команду в Санкт-Петербург, чтобы девочке помогли так немного с едой, немного с фруктом и немного гелд. Гелд ещё никому не мешало. Этим должен заняться помощник Фогеля-аптекаря Арнольд.

В-третьих, он должен выйти на коменданта крепости. У него наверняка или запор, или понос, или чесотка, или золотуха или что-нибудь с членами тела. Коменданту нужно обещать весь комплекс лекарств бесплатно и до конца его дней. Чтоб он таки был здоров.

И его жене все румяна, белила, краски для бровей и чего там ещё теперь эти бессовестные красят.

Всем капитанам кораблей, заходящим в Неву за товаром, строго указать передавать продукты питания коменданту.

Установить связь с девочкой через известную нам даму. В чем нуждается, чтоб все было доставлено.

С этими указаниями утром пошлите гонца. Господин Фогель пока останется здесь. Но мы слышали и без ваших, герр Фогель, звезд, что государыня российская плоха. Так что, как обычно, все в руце Божьей.

10 января 1762 года Елизавета Петровна скончалась. На престол вступил странный принц гольштинский Петр III.

В его короткое и, скажем прямо, бестолковое правление были изданы некоторые указы, резко перевернувшие, в частности, жизнь Фогеля. Мы имеем в виду Указ об упразднении тайной канцелярии.

Фогель тут же оказался в Санкт-Петербурге и сам комендант крепости выделил ему помещение в своей квартире. Кстати, комендант ещё долгие годы говорил за пивом или чем покрепче, что такого провианту крепость сроду не получала.

– Даже простой солдат на часах жрал ревельскую колбасу!

У Фогеля росло трое детей. Двое мальчиков. Все рыжие.

МОЙ ГОРОД, КОТОРОГО НЕТ

Рассказ Вениамина Фогеля

Я родился в Кёнигсберге в 1912 году нового, XX века. Века благословенного. Когда не было войн, вернее они были, но где-то там. Далеко. А у нас – не было. Зато было много сосисок и колбас, и другой вкусности. Которая улетала у меня, мальчишки, махом. Мама не успевала крикнуть: – мыть руки, – а всё уже в руках. Хотя мы, дети, были к правильному обхождению приучены. Ещё бы – аптекари Фогели – вот кто мы были. Конечно, когда тебе 7–9–10 годов, особенно в бытовые и иные дела взрослых не вдаёшься. Больше всё гулянки да речка Прегель, что давала нам многое. А вот хороший дом, да нарядная всегда мама, да горничная симпатичная Минна – всё это, считалось, само собой пришло, да не уйдет никогда. (Как бы не так).

Я с детства знал, что мы, Фогели – это аптеки. И на Синагогенштрассе, где стоял наш дом, и на Кузнечной, и на улице Хлебных лавок, везде были наши аптеки. Так нас и звали – аптекари. Это значит, что и папа мой – аптекарь Михель Фогель. Потом конечно я узнал, что он, мой папа, вовсе даже Моисей. Но это – потом. И дедушка мой, Эля Фогель, тоже аптекарь и прадедушка – аптекарь.

Одно время мне казалось, что все взрослые жители моего города, исчезнувшего в мгновение, все поголовно или аптекари, или адвокаты, или банкиры. Да, да. Был и банк у нас, так и назывался – Фогель-банк.

Так кто же мы? Я – Веня, (как меня в школе и на улице ребята звали). Папа – Михель. Так вот, были мы обыкновенные немецкие, вернее, в те времена, прусские жители естественно страны Пруссия, которая потом стала Германией. Но всё потом. Потом.

А пока мы всем семейством чинно ходили в кирху, что на Дюрерштрассе. Или в Штайндаммовскую. Или ещё куда. Хорошо помню чудесное пение хоров в кирхе да звучание органа. Но вечерами в нашем доме вот что происходило. Отпускалась горничная Минна. Мама расставляла серебряные приборы, папа приносил из булочной хлеб – плетенку (халу). Мама зажигала свечи, все мы садились за стол. Вымытые, чистенькие. И уже знали – празднуем субботу. Правда, окна велено было занавешивать и на улице да в школе или где ещё и кому-либо об субботах не болтать.

Оказывалось, что мы празднуем «шабес», субботу, святой день у евреев. Вот таким образом я по субботам становился не немцем-прусаком, а просто еврейским ребёнком. Теперь понятно, чем, или кем мы были, Фогели аптечные. Мы были крещеными евреями, принявшими протестантство. Но остались евреями. И не только по субботам.

* * *

Вероятно, нужно немного сказать о кенигсбергских евреях. Хотя эти воспоминания и особенности жизни прошли через мою призму времени. Что там мальчику 10 лет, может запомнится.

Оказалось – может. Во-первых, мы, Фогели, были всеядны. И с удовольствием поглощали свиные сосиски. И колбасы были в почете. Но когда мама говорила, что вот этого есть нельзя – мы и не ели.

Помню, что все, и бедные, и средние и богатые в воскресные дни с сумками да кошёлками шагали на базар. Все мы хорошо знали немецкий – он же наш родной язык. Но дома мама и папа говорили на идиш и посмеивались над нами, детьми, что мы многое из мамэ-лошен⁴ не понимаем. Но мы быстро его осваивали. Ещё бы – почти немецкий.

Особенно легко нам давались запретные выражения. Например – тухес⁵. Или – шлимазл⁶. Да много чего мы понимали с пол-оборота.

Так вот, помогали мамам нести с базара яйца, пышки, мясо, масло, сыр. А базар шумел. Немецкий, польский, идиш, литовский – и все это шумит, балакает, ругается, смеётся. А ещё здорово, если на базаре встретишь Баську. Дочь семьи Резников. Сам Резник был спокойный, благочестивый еврей. Не крещёный. О Басе же расскажу позднее. Если вообще смогу рассказать. Жили мы на острове Кнайпхоф. Всего было три городка: Кнайпхоф, Альтштадт и Лебенихт, которые и составили славный Кёнигсберг. Мы, Фогели, жили, как я уже сказал, на острове Кнайпхоф. Здесь в основном обитали купцы, судовладельцы, в общем – «бизнесмены» или гешефтмахеры. А в районах Альтштадта и Лебенихта уже царила кенигсбергская аристократия: учёные, музыканты, адвокаты, журналисты, врачи.

Вообще, город был лоялен ко всем пришлым. Поэтому-то в нём не было ни гетто, ни погромов. До 1933 года, когда вдруг в жителей города разом вселилась зараза, отравившая все оставшиеся годы существования города.

* * *

А пока на нашем острове – главный храм города – Кафедральный собор. Одна его стена всегда покрыта плющом. Рядом – могила Канта. Что нам, ребятам, было совершенно не интересно. Интересно же было пробежаться по улицам, чистым и мощёным до маяка, что в конце Рыбной деревни. А запахи! Смола, битум – конопатят лодки. Салака, селёдка – ее запах не выветривается. Сейчас осень – ее и вялят на уже осеннем солнце. Город весь красновато-палевых оттенков. Черепичные крыши, запах водорослей, дождя и мокрой сирени. Туманы по вечерам с реки Прегель.

У домика смотрителя высокого моста была чудесная песчаная отмель – лучшего места для купания и не найдёшь. А потом можно промерзшим и мокрым подбежать к рыбакам, что жарят салаку. Дадут обязательно. А вкуснее этого нет ничего на свете. Когда тебе всего-то 10 лет, и ты уже приучаешься к жизни. Пока, правда, рассыльный в аптеке у папы. Но это – пока. А как интересно бегать по набережным острова смотреть корабли, шхуны, рыбацьи лодки. Впитывать запахи. Рыбы. Сирени. Горячих булочек с тмином и корицей. Аромат кофе. Жизнь было чудесна и безоблачна.

⁴ Мамэ-лошен – мамин, родной язык (*идиш*.).

⁵ Тухес – задница (*идиш*.).

⁶ Шлимазл – растяпа, неудачник (*идиш*.).

Можно было поутру пробежать все мосты острова. Лавочный, Зелёный, Кузнечный, Потроховый, Деревянный, Медовый. И сразу в замковый пруд. Это там, у рва Замка, когда ручей Лёбебах перегородили, вот пруд и образовался.

Осенью праздники.

Вот музыка, барабаны, свистульки. В длинную цепочку идут мясники. Несут колбасу, этак метров 10-15, идут к ратуше, руководству города отрезают и торжественно так вручают по значительному куску. А затем на столы колбасы, огурцы солёные, капуста квашеная. И – пиво, пиво, пиво. Нас конечно и близко к столам не подпускают. Ну и ладно. Мы и дома, ведь не хуже других живём. Всё-таки – Фогели.

А дома в эти праздничные осенние дни только и рассказов. То Минна рассказывает, какой она там Schmand under Glumse⁷ ела, пальчики оближешь. Особенно, когда творог – как снег, а сливки – даже есть жалко такую вкусноту.

То дед Эля начинает, поглядывая на нас, рассказывать про флэк или клопс⁸, да так, ну никакого терпения нет. Нужно срочно расти и скорее, скорее, чтобы успеть умять такую вкусноту. И всё это Дед Эля запивал «Кровавой язвой»⁹. Было отчего стонать нам, мальчикам.

Но стонали недолго, в 1914 году бабахнула Первая Империалистическая. Затем в 1917 – Первая социалистическая. Незаметно ушёл из лавок и магазинчиков флэк и клопс. «Кровавую язву» заменил жесткий военный шнапс. А всё население города стало тихонько думать, как жить дальше. Конечно, никто и не представлял, что не будет ни ратуши, ни замков, ни памятников Фридрихам, Вильгельму, Бисмарку.

Да ладно памятники. Исчезнут и кладбища – профессорское, ветеранское. Еврейское. Исчезнут и все живущие в этом городе. И евреи. И немцы. Исчезнет сам город. Которого теперь больше нет.

БАСЯ

Рассказ Вениамина Фогеля

В Европах в начале XX века стало неожиданно модно летом посылать детей лет 8–10 на фермы. Конечно, по договоренности. Фермерам хоть малая, но польза, а детям – понимание, на каких деревьях растут батоны хлеба и где колосится картофель.

Поэтому однажды под осень мама вернулась домой довольная. С заговорщицким видом долго шепталась с папой, затем они вызвали меня и сообщили, что я еду на ферму в районе городка Пиллау. Фермер – наш, вернее их знакомый и согласился взять несколько мелюзги, чтобы знали дети, барчуки кёнигсбергские, настоящую, правильную жизнь. При этом была предупреждена – никаких капризов, нытья и тем более слёз. А с едой просто: картофля, молоко, простокваша. Что до нормированного рабочего дня, то его не будет. А будет «каторга».

Я в это время читал Гюго, французского писателя. «Отверженные». И отправление меня на ферму полностью совпало с моим желанием познать «каторгу» в полном объёме. Правда, желательно без телесных наказаний. Мама удивилась моему согласию без споров и требований.

Утром я был уже готов. Тарантас должен был забрать ещё двух мальчиков, я их знал, и девочку. Девочку звали Бася Резник. Эту семью мы знали, может даже и заходили они к нам. Но Басю я по сути видел вот так близко впервые. Оказалось, что она уже живет на этой ферме неделю и приехала домой помыться. Конечно, глупо было спрашивать, почему на ферме

⁷ Schmand und Glumse – творожный упрямец (нем.).

⁸ Флэк – нашпигованный говяжий кишечник. Клопс – фарш говядины и свинины со специями.

⁹ Кровавая язва – яичный коньяк и вишневый ликер.

мыться нельзя. Оказалось, всё просто. На ферме нет водопровода, вода колодезная и пока согреешь, то да сё – нет сил. Только поел и спать. Всё это Бася хриплым голосом нам, мальчишкам, разъяснила, небрежно жуя соломину. Хм, задаётся, решил я. И был прав. Как не задаваться, когда напротив бледненьких трех мальчиков сидела ярко-красная от загара, облезлая до нельзя, с ободранными руками, коленками и совершенно босая. Но хоть и задаётся, но нет-нет, а на нас смотрела.

Мы ехали перелесками да полями всё ближе к морю. Дорога бежала. Какие-то птицы висели над нами. И запах лета всё время нас сопровождал. То полыни, то орешника, то сосен. Меня охватило чувство какой-то предстоящей радости.

Наступил вечер. Нас накормили картошкой с крупной солью. Было и молоко, всё как обещала хозяйка. Мрачный, больших размеров немец, хозяин всего, показал, где мы будем спать и сказал, что утром, в шесть часов чтобы мы были готовы. Он поставит нас на работы. Так и сказал – поставит. Басю отправил спать к хозяйке, а сам пошел на сеновал. Бормотал, звякал конской утварью, а может это были бутылки. Но мы легли на матрасики, набитые сеном и провалились. Сон у нас был крепкий, несмотря на укусы ночных насекомых -разбойников. Но я решил всё выстоять, как например Жан Вальжан у Гюго. Он же ещё и цепь с ядром на ноге таскал. С этими мыслями я провалился. Ничего не снилось. Только вероятно уже под утро мелькнула Бася, но оказалось, что это – хозяин. Он сказал коротко:

– Вставать, киндер. Одеваться и шнель, шнель, лошадей запрягать. Сегодня работаем на жнейке, собираем остатки.

Мы ничего не поняли, но на шепот одного из мальчиков «а что, завтрака не будет?» я ответил, как заправский фермер: завтрак мы ещё не заработали.

За это лето мы прошли все: и жнейку, и молотилку, и сеялку. Я научился запрягать своего Серого (так называла лошадь хозяйка) и всегда поутру был у меня кусок хлеба с солью. И Серый уже тянул свои бархатные губы к моему карману.

И всё-таки наловчились мы и в лесу побывать. Заросшими просеками собирали мы невиданное количество земляники. Дятлы с красными хохолками долбили деревья. Выбивали из-под коры жучков да червячков и тут же их утилизировали. Орехи были мягкие, а сок их молочного цвета. Кстати, находили янтарь. Вот ведь интересно. На всём побережье Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, таком же, что и Кёнигсберг – совсем нет янтаря. Хоть ты плачь. А у нас, в Кёнигсберге – навалом. В наших, Фогелевских, аптеках он пользовался особым спросом. Мой папа и ещё один провизор готовили какие-то таблетки из янтаря. Они поставляли их в мэрию и генералам русской армии. Говорят, таблетки действовали ошеломляюще на состояние как всего организма человека, так и отдельных органов. Особенно в период военных действий. Но об этом умолчим.

* * *

Ну хотя я, а ребята мне подражали, следовал курсу закалки всего организма, тем не менее некоторые сложности быта перетерпел с трудом. Одна – это еда. По-прежнему, картохи было навалом. Соль на столе крупная и это хорошо. Но когда это два раза в день и всё – то это плохо. Так говорил нам наш крепчающий от работы, прибалтийского солнца и морского ветра организм. И второе – очень хотелось помыться. Я эту проблему решил и на минуточку забыл «каторгу», Виктора Гюго и «ядро, прикованное к ноге».

Всё потому, что нашёл недалеко от фермы ручей. Он был запружен и образовался бочажок. Вода хороша была. Мыла не было вовсе, но был песок. И мы, то есть я и ребята, натирались и уже чувствовали себя не французским каторжником, а индейцами племени «Навахо», например.

Помимо гигиенических целей купания у меня была иная задача – научиться плавать. И в свободные от «каторги» вечера я осваивал эту нехитрую, как казалось, науку.

В один из дней, ввечеру я занимался этим же, учеьем, пока не почувствовал, что кто-то смотрит на меня из-за кустов. Я выскочил и бросился к одежде. Но! Ее не было. А в кустах стояла загорелая, ободранная об колючки Бася. Баська. И беззастенчиво на меня глазела. Пялилась даже, можно сказать. На мои вопли она тихонько так ответила:

– Возьми, вот всё лежит, – и показала мои трусы, брюки и майку.

– Ну ты сейчас и получишь – завопил я и, прикрыв необходимые места, ринулся в кусты. Одежду захватил и легко и быстро оделся. А Бася стояла, не двигаясь и очень странно на меня смотрела.

Когда я подбежал, чтобы дать ей тумака как следует, она неожиданно схватила меня за шею, и мы замерли. Постепенно наши головы стали всё ближе и ближе друг другу, я чувствовал, как горячо ее тело под выгоревшим платьем. И вот уже наши губы соприкоснулись. Что делать дальше, я не знал, и стояли мы так, пылая, долго, целую вечность. Пока я не осмелел и руками осторожно дотронулся до того места, где у девочек, равно как и у женщин, должна быть грудь.

Грудь у Баси не было вовсе, но два упругих соска трепетали под моими пальцами. Басино тело горело и прижималась всё ближе и ближе, пока в голове моей что-то не взорвалось, и я не опустился на землю. Штаны были почему-то мокрые, а Баси и след простыл.

Несколько дней я караулил Баську, но встретиться нам не довелось, кончалась уборка сена, и с пяти утра до поздней сумерек мы крутились на полях и лугах нашего немудреного хозяйства.

Наконец, работа кончилась. Да и нам уже пора было в наши гимназии. Хозяин однажды хмуро объявил:

– Аллес капут, киндер, – и улыбнулся.

Мы были рады. И домой уже хотелось, и подустали мы всё-таки. Я же домой хотел не очень. Мне хотелось всё время видеть Басю. Она же моталась с банками, марлями, бидонами и бидончиками. В общем, доярка. Но как чуть свобода, она на меня смотрела. Было достаточно, чтобы я весь пылал.

Но тем не менее окончилась страда. Право, для нас, мальчиков, нелёгкая. Хозяйка сказала, что завтра запрягут Серого и нас отвезут в город. А сегодня будем делать праздник. Хозяйка нас осмотрела и осталась видимо довольна.

– Вон как выросли, совсем стали справные мужчины.

Мы и сами видели, что за лето мы вытянулись, брюки стали короткие, мы загорели и, главное, здорово окрепли.

А сейчас, перед праздником, мы пошли в кирху. Идти было не близко. Тропка то бежала перелесками, то шла полем. В поле большой ворон с червяком в клюве на меня внимательно смотрел и боком потихоньку отодвигался. Вид у него был важный, как у бюргера, а взгляд – презрительный. Он как бы говорил, что вот, мол, работает, червяков птенцам носит. А тут ходят всякие, от которых толку чуть, одна опасность только. Хотя я смотрел на него, как на равного. Тоже тружусь, чтобы собрать и на зиму запастись. И нечего на меня так смотреть. У тебя, мол, своя ворона. А у меня – Бася.

Вечером был накрыт стол. Мы, вернее хозяева, начали делать праздник. На столе, на чистых дощечках лежала отсвечивающая золотом копченая салака. Да сосиски с колбасой домашний были такого запаха, что мы просто застонали. А капуста, соленые огурчики, свекольный винегрет, солёные грибы. Конечно, варёная картошка да хороший шмат сала. Нет братцы, хорошо, что я крещёный. Уж очень сало хорошее, свежее, с чесноком. Перцем. Лаврушкой. А евреем уж ладно, стану я в Кёнигсберге, дома, у мамы с оладушками.

И только сейчас я понял – как же я соскучился по маме. И папе. И звяканью колокольчика над аптечной дверью.

На столе стояла бутылка с какой-то мутной жидкостью белесовато – голубого цвета. Пришли и гости из соседней фермы. Ещё одна бутылка появилась. Рядом со мной села Бася. Она была вымыта, но веснушки остались. И стала она какая-то белесая. Лопатки по-прежнему были острые, верно молоко и сметана мало помогали строительству тела. Да мне и так Басья была хороша до потери сознания. Сидеть было тесно, и я всё время ощущал то острые колени, то локти Баси.

Я весь горел и мне казалось, что все смотрят на меня и на Басю. Но было не так. Все выпили и даже мы попробовали. Напиток был кисловатый и совсем не крепкий. Но оказалось – даже очень крепкий. С непривычки у меня закружилась голова и всё дальнейшее я воспринимал в легком, но прочном тумане.

Взрослые вели свои крестьянские разговоры. Про скотину, про погоду, конечно. Неожиданно отметили, что ребята попались хорошие, работающие.

– Да что там, – важно отмечал хозяин, – самого Фогеля сынок у меня на жнейке сидел.

– Я, я, – важно кивали головой соседи. – Только что этот Фогель так на свинину налегает.

– Да ты не беспокойся, они все крещенные. Иначе хрен два быть им аптекарями.

И у меня снова мелькнуло: кто же я. Немец, или прусак, или еврей. Или еврейский немец. Либо русский еврей.

Потом под патефон соседи с женами стояли и топали ногами. Только я сидел, не в силах отвести свои колени от Басиных.

Я не помню, как очутился в сарае, где мы спали. И мы снова стояли с Басей, прижавшись друг другу. Я уже догадывался, что нужно делать. Но решиться не мог.

Неожиданно хозяйка позвала Басю. Мол, телёнок беспокоится, и корова волнуется. Без тебя не обойтись. И хозяйка гордо поведала соседям, что эта городская Басья Резник, дочка ихнего Резника, пользуется у коров такой любовью, что куда там. Молока дают гораздо больше, а уж сливки такие, что сразу можно на рынок везти как сметану.

– Может, колдунья, – произнёс кто-то, правда, с сомнением.

– Ха, колдунья. Дак тогда бы всё молоко было бы кислое и коровы давали бы всего ничего.

– Да, да, фрау Хильда. Ты права, это ежели и колдунья, то побольше бы таких. Да что говорить, евреи, и, всё с умом, да с подходцем еврейским. Вот поэтому их поляки так не любят. Они все в нищете, а евреи, что у нас, в Пруссии, все в шоколаде. То-то же.

И хозяин предложил выпить по последней. Я же, немецкий католик еврейского происхождения, спал сном очень влюблённого мальчика. В общем хорошо спал.

Утром мы, с мешочками честно заработанной сельской продукции, ехали в город. Серый шёл грустно, как будто знал, что получил от меня последний ломать душистого хлеба с солью. А Бася осталось ещё на неделю. Нужно было успокаивать то теленка, то его маму, корову Ладду.

Мы, правда договорились, что я приду к Басе, к Резникам обязательно.

– Я приду, Бася, на всю жизнь, – шептал я, замирая от желания, любви и грусти. Будто чувствовал, что на всю жизнь я не приду.

Так и осталась у меня тоска по женщине, я потерял её там, в моём Кёнигсберге.

Прошло несколько послевоенных лет. Я освободился, пройдя, считаю, многие круги ада. Но вот недавно взял билет и поехал в город, которого нет. На вокзальной площади я взял авто, и мы быстро доехали до Янтарного, бывшего Пиллау. А оттуда до фермы, где мы работали, рукой подать.

Но фермы – не было. И я никак не мог в горах битого кирпича среди оставшихся фундаментов, в бурьяне, в крапиве, полыни и лопухах найти дома и постройки фермы. Всё было разрушено. Жители исчезли из Пруссии в 1947 году. Все и в одночасье.

В Калининграде разыскал людей, которые занимаются историей края. Они рассказали, что в 1936 году большинство евреев уехало. А весь «бизнес» перешел в руки нацистов. Жителей города.

Дальше – хуже. Под посёлком Пальмникен немцы 31 января 1945 года расстреляли в лагере Штуттхоф всех узников – все были евреями.

ХОББИ

Хобби – по нормальному, по-нашему – увлечение. Не профессия, а именно – увлечение. Хобби может перерасти в ряде случаев в нечто большее, превращаясь в прекрасное и ценное собрание то картин, то марок или монет, значков. Собирают и просто, например, спичечные коробки. Покуда они ещё есть. Или рыболовные крючки. Поплавки! Да мало ли чем можно увлечься неожиданно и для самого себя и для окружающих.

Всё это я излагаю, потому что в ряде случаев, в экстремальных ситуациях это самое увлечение возьми да спаси тебя. От тяжёлых, каторжных работ. Например, ты играешь в шахматы. Но помимо этого, имеешь 10 лет лагерей и отбываешь эти 10 лет в Дубравлаге (Мордовия), да на лесоповале. А это 1942 год. Значит, еды почти никакой, а норму не выполнил – никакого наказания. Просто расстрел.

Вот притащили доходягу в кабинет начлага для последнего приговора. За срыв задания по поставке древесины в военное время – это саботаж. Поэтому по статье ... и ... – высшая мера социальной защиты. А такие наказания в 1942 году ох нужны были начальству лагерей. Так как, ежели «мышей ловить» не будешь, то просто маршируешь на фронт.

Итак! Зека втащили в кабинет. Докладывает капитан, что норма не выполняется самым злостным образом и ...

Зек в тёплом кабинете уже мало что понимает, но вдруг в каком-то полу бреду бормочет:
– Нужно конем на f3.

Да, да, начальник рассматривал партию не то Ботвинника, не то Смылова. И один, ибо в этом проклятом Явасе никто даже слова такого не знал – шахматы. Впрочем, мат все знали хорошо.

Начальник онемел. Выгнал охрану из кабинета. Через 5 минут потребовал чай, сладкий и крепкий.

Вот вам пример, когда хобби, шахматы, которыми увлекался до посадки интеллигент-физик он же враг народа, спасло ему неожиданно жизнь. Ибо больше на общие он не выходил. Лагерь же получил предупреждение – ежели кто Глаубермана повредит, то будет расценено, как порча деревообрабатывающего станка в военное время. То есть – саботаж.

Никто этого гада-очкарика конечно не трогал. Себе дороже.

Но к чему это длинная история. Вот хобби – шахматы и спасли жизнь, кстати, будущему участнику изготовления известной теперь всему свету бомбы.

Веня, проживая всё детство в Кёнигсберге, где и родился, неожиданно увлёкся нет, не марками. Или монетами. Или чем ещё. Таки нет, он увлекся радиodelом. Вот как это произошло.

Как возникает практически каждое хобби. Ведь никто не планирует мол, займусь ка я собиранием монет. Или открыток. Нет, всё внезапно, как, простите за банальность, первая любовь.

В общем, шёл Веня по своей Синагогенштрассе к речке Прегель. Повидать друзей, да наблюдать, как копят эти вкуснейшие шпроты. Те, которые, как говорит мама, так вредны. И вдруг видит, у мусорного бачка лежит серенькая книжица. Маленькая. Типа инструкции. Сама по себе находка книжки – вещь удивительная. Ведь любому жителю славного города восточной Пруссии было ясным ясно, что ничто в городе не валяется. В виде сора, где попало. Всё чинно и благородно лежит в бачках мусорных. Да, да, достопочтенные граждане и горожане – только в мусорных баках.

Поэтому Вениамин Фогель, воспитанный мальчик, конечно удивленный, книжицу поднял, чтобы вернуть ее в мусорный приёмник.

Взглянул на заголовок. Название книжицы его удивило. «Инструкция по приготовлению и работе радиостанций с использованием кварцевых резонаторов». Издание: Общество любителей радиообщения, город Нюрнберг, Веймарская республика, 1922 год.

Венька как чувствовал, нет, не просто так на его пути валялась это инструкция. Как и почему произошло дальнейшее, он не может объяснить и по сей день. В общем он взял инструкцию, но не в бачок её бросил, что сделал бы любой житель Кёнигсберга, а положил в карман куртки. И не пошёл дальше изучать методы копчения салаки и общаться с друзьями типа Евсея, Пиньки, Герша, Менделя. Друзья были весёлые, насмешники и до крайности беззаботные. Да вот не дано нам заглядывать вперед. Нет, не дано!

В общем, Вениамин два дня просидел с книжечкой-инструкцией и вышел из комнаты своей, являя вид и задумчивый, и довольный. Он чувствовал, вот это радиоигра – это его. И он будет бить морзянку Амундсену, искать во льдах Нансена и разговаривать с далекой Сенегалией.

У папы попросил дать денег, купить набор «на все руки», купить набор «радиомастеру на каждый день» и просить Минну больше в его комнатке не убираться. Никогда. Да, и дать немного денег на покупки разного необходимого инвентаря.

Конечно, Веня был мальчиком открытым и папе всё рассказал. В смысле, про инструкцию, свои желания и свое нетерпение.

Семья у Фогелей была дружная. Расходы на пожелание Вениамина – пустяшные. Но!

Был собран совет семьи. Он традиционно собирался при всех важных жизненных обстоятельствах. Если только когда погром, то тут уже не до сборов и обсуждений. Пока же собираться можно.

Кстати, давайте немного о кёнигсбергских евреях и о Фогелях вообще, о Вениамине – в частности. В начале – о Кёнигсбергских евреях.

Конечно, всякое бывало. На то они были – народом, богом избранным. Но и гонимым – уж очень все завидовали. Как же так, мы мол тоже работаем, а всё – никак. Они – как муравьи – всё и сразу. И друг дружке помогают. Да тут ещё Лютер провозгласил:

«Евреи – наши кровные родственники и братья нашего господа... К ним надо применять закон не папской, а христианской любви...»

И превратилась Восточная Пруссия в светское государство. Появились, после долгого перерыва, евреи, по приглашению герцога Альбрехта. В начале – врачи. Затем – торговцы.

Конечно, было всяко. Но всё-таки, всё-таки. Евреи селились, богатели. Кёнигсберг был одним из городов европейских, в котором не было гетто. Никогда! И погромов! (До 1933 года). И на Синагогенштрассе была отстроена в 1815 году синагога.

А в начале XX века построено было здание еврейского сиротского приюта – редкой красоты сооружение. С круглыми мансардными окнами, оригинальные линии фасада.

Славились евреи Кёнигсберга свободными профессиями. Врачи, аптекари, адвокаты – составляли элиту города. Недаром семья Фогелей из десятилетия в десятилетие процветала. Уже стали на слуху и берлинские Фогели, и даже французские.

Конечно, кто был в любой стране меценатом? Евреи. В Кёнигсберге процветали за их счёт театры.

Традиционно думало еврейское племя – вот уж это им зачтётся. Как бы! Как бы! Да всё было хорошо, пока не пришёл 1933 год.

Теперь немного о семье Фогелей. Она была, во-первых, большая. Во-вторых, – дружная. Это можно видеть по «русским» Фогелям, которые так и продолжали жить в немецкой Слободе Московии. Но, как мы неоднократно отмечали, Господь Бог сам решает, что и кому. Видно, было решено богоизбранным допускать любые отклонения, связанные с Верой. Ибо главное

– хранить Веру в сердце. Что евреи выполняли неукоснительно, хоть и назывались аптекари в Кёнигсберге христианами.

Увы, нет, не помогло.

Основные ветви древа «немецких» Фогелей – аптечное дело и банковский бизнес. Но стали появляться у Фогелей и торговые фирмы. Особенно, когда был принят королевский указ об уравнивании прав еврейских купцов с христианскими. И уже разрешено и в гильдии купеческие евреев вводить. Особенно тех, кто с капиталом. Дальше – больше. Фогели все большую роль начали играть в банковской структуре города. Наряду с «Северогерманским кредитным обществом» Фогель-банк всё больше и больше оказывал влияние на развитие торговли и промышленности.

Так вот, в доме аптекарей собрались все ведущие Фогели Кёнигсберга. Казалось, пустячный вопрос. Да и вопроса-то никакого нет. Ну захотел сынок Михаэля Фогеля, держателя большой сети аптек, заняться радиоделом. Да и Бог бы в помощь. Но все Фогели смотрели вперёд. А ежели не вперёд, (а мы видим – просчитались, не разглядели, что впереди), то уж точно в глубину. А в глубине – потемки и не всегда возможно понять, что там скрыто, в глубинах судеб еврейских.

Все выслушали папу Михаэля со всяческим вниманием. Уже и выпили кофею чудного приготовления до закусили цукатами. Попытался было ортодокс из молодых Фогелей затеять спор. Где это мол в Торе или иных святых книгах упомянуто о радиосвязи между племенами еврейскими. На что реб Цви Дуннер, главный раввин Восточной Пруссии – приглашённый семьей Фогелей из огромного почтения, так вот реб Цви тихонько так сказал:

– Господин мой, ты прав, что не было радиосвязи во времена становления племени израильского. Но в те времена и железных дорог не было – а мы это не отрицаем в жизни своей. Так вот и вы сейчас, вы, видно забывшись, господин мой, звоните своей маме с сообщением, что обедать – придёте. А ведь это – радиотелефон. Так пусть молодой человек эту сферу науки начнёт изучать. Не ровен час, не прогневи мы нашего Господа, что понадобится – по рупору или ещё как – у Фогелей будем просить лекарство доставить к нам на дом. Правда, лучше обойтись услугами любезной Минны. Уж таких цукатов в городе и не сыщешь. С Богом, аминь, аминь.

После этого все стали тихонько смеяться над недотепой ортодоксом, желать успеха молодому Веньке, и, стараясь сделать это незаметно, похлопывать рдеющую Минну по попке. Что хотите, племя такое.

* * *

Уже через два месяца Вениамин собрал первую радиостанцию. Она оказалась из рук вон плохая. Как по стабильности частоты, так и малоэффективной антенной, плохим приемником и помехами. Папа посмотрел на изделие сына, услышал сквозь скрип и шорохи крик «Ахтунг, ахтунг» какого-то оглашенного парнишки из Пиллау и неожиданно сказал:

– Знаешь, сын, что-то в этом есть. У нас тоже с лекарствами не всё гладко поначалу. А вот как от примесей очистишь, добавишь нужных трав или иного – вот тут лекарство свой результат и покажет. Давай, зай гезунд¹⁰... И пошёл довольный.

В общем, через год Вениамин научился неплохо паять, разбирать схемы радиостанции, что выменивал у моряков на сигареты и спиртное. Дело шло, было очень интересно и друзья по шатаниям в Кёнигсберге Веньку потеряли почти окончательно.

И наконец он нашел! Как сделать более или менее стабильную и чистую радиостанцию. И уже из Берлина и Цюриха корреспонденты Веньку засыпали вопросами – почему у него такое чистое звучание.

¹⁰ Зай гезунд – будь здоров.

– Догадайтесь, – и счастливый Венька убежал в гимназию. А в женской части гимназии была Бася. Нет-нет ребята, это счастье. Это – детство. Юность. Омытая голубым, холодным Балтийским летом. А впереди – вся жизнь.

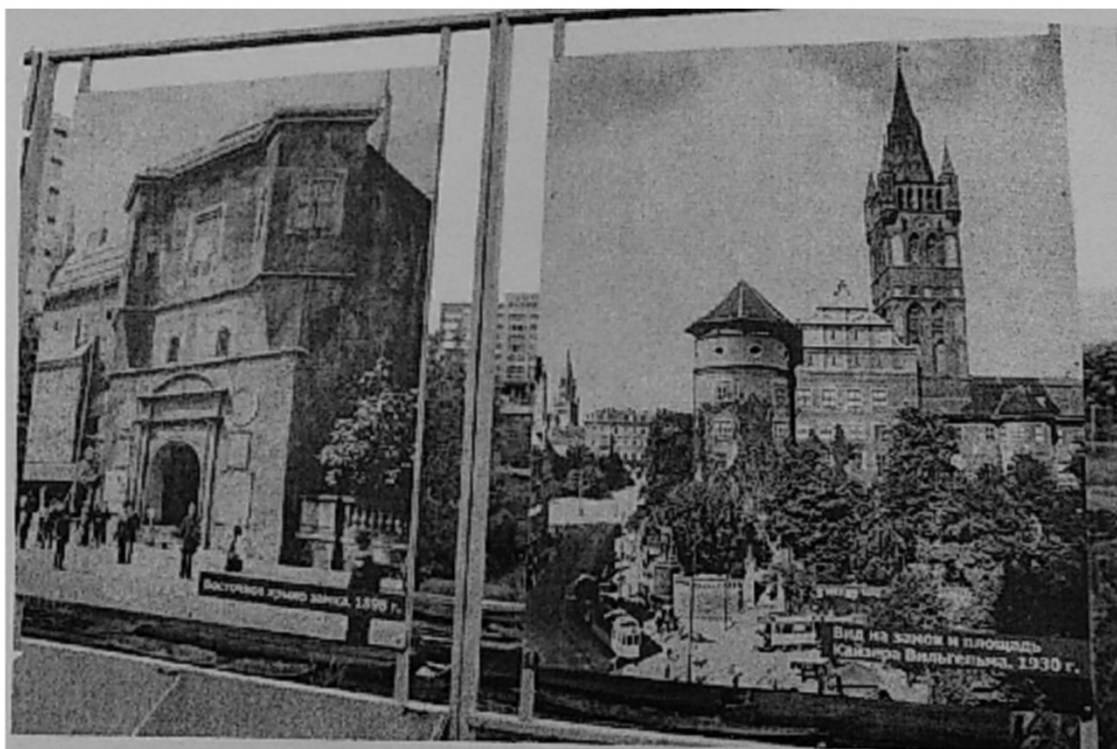
Альбом

Город Кёнигсберг

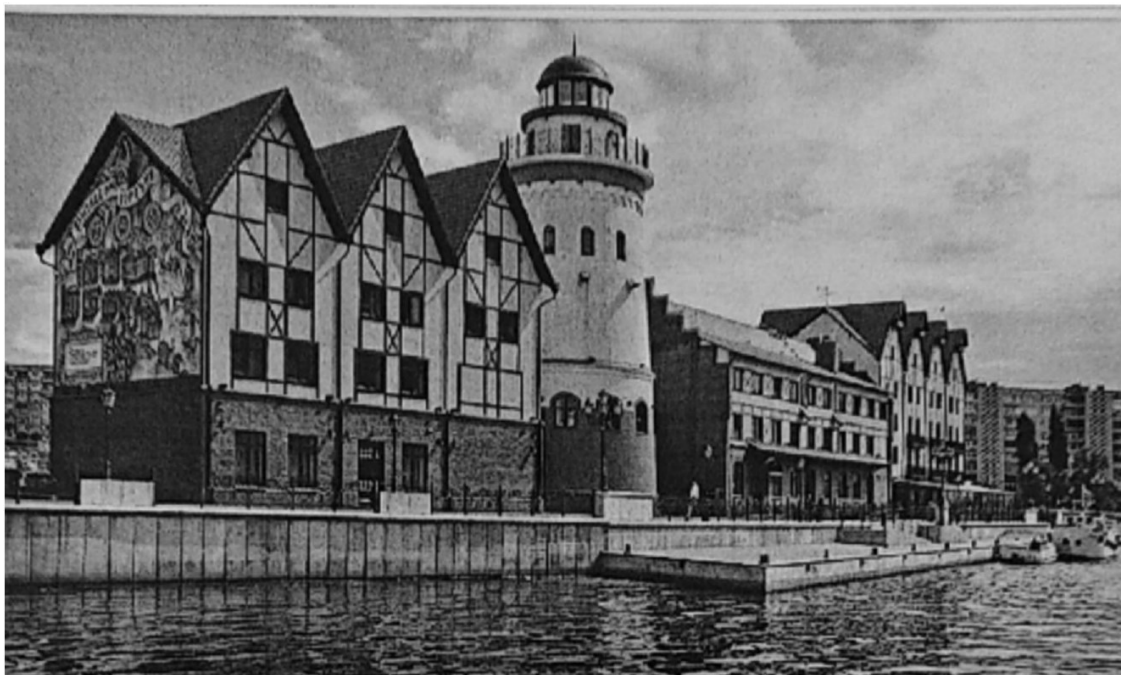
Калининград, пожалуй, один из самых интересных российских городов. До 1945 года он был центром Восточной Пруссии, вполне себе европейской столицей с характерной архитектурой и жизненным укладом. Многие сохранилось с тех пор: католические соборы, здания в стиле немецкого модерна (югендстиля), фортификационные сооружения и, конечно, семь знаменитых городских ворот.

Кёнигсбергский замок

Кёнигсбергский замок заложен в XIII столетии и просуществовал до 1968 года. В Средние века он принадлежал рыцарям Тевтонского ордена, в более позднее время на его территории находились общественные учреждения Восточной Пруссии. К сожалению, от крепости ничего не осталось. Сейчас на ее месте располагается музей – смотровая площадка, где ведутся раскопки. Считается, что именно в этом замке находилась легендарная Янтарная комната.

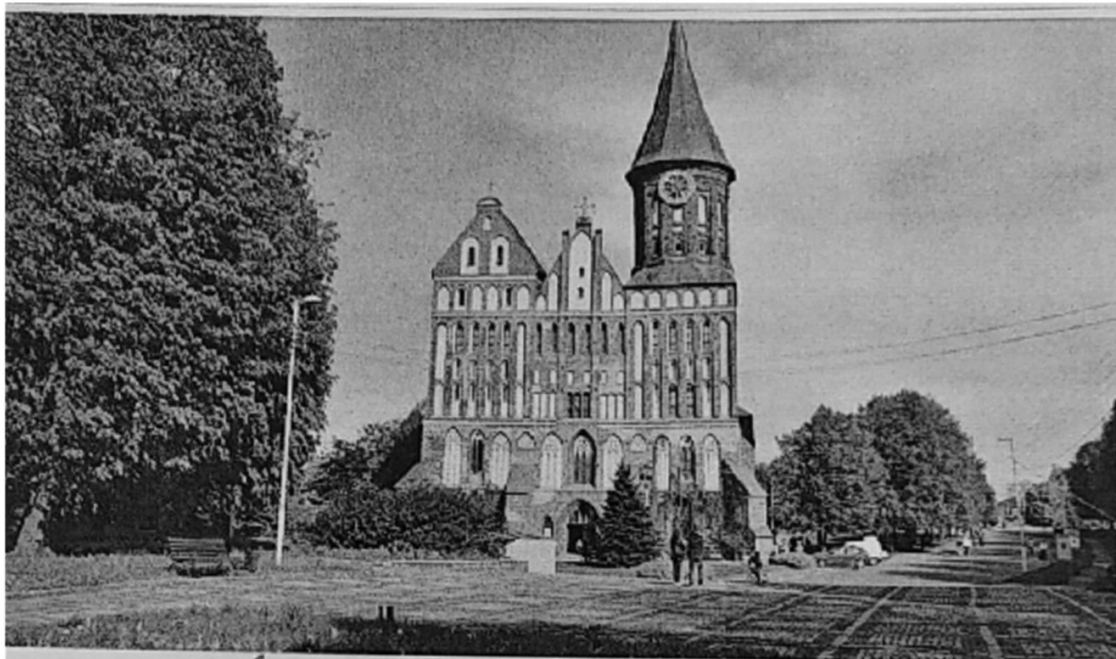

Кёнигсбергский замок

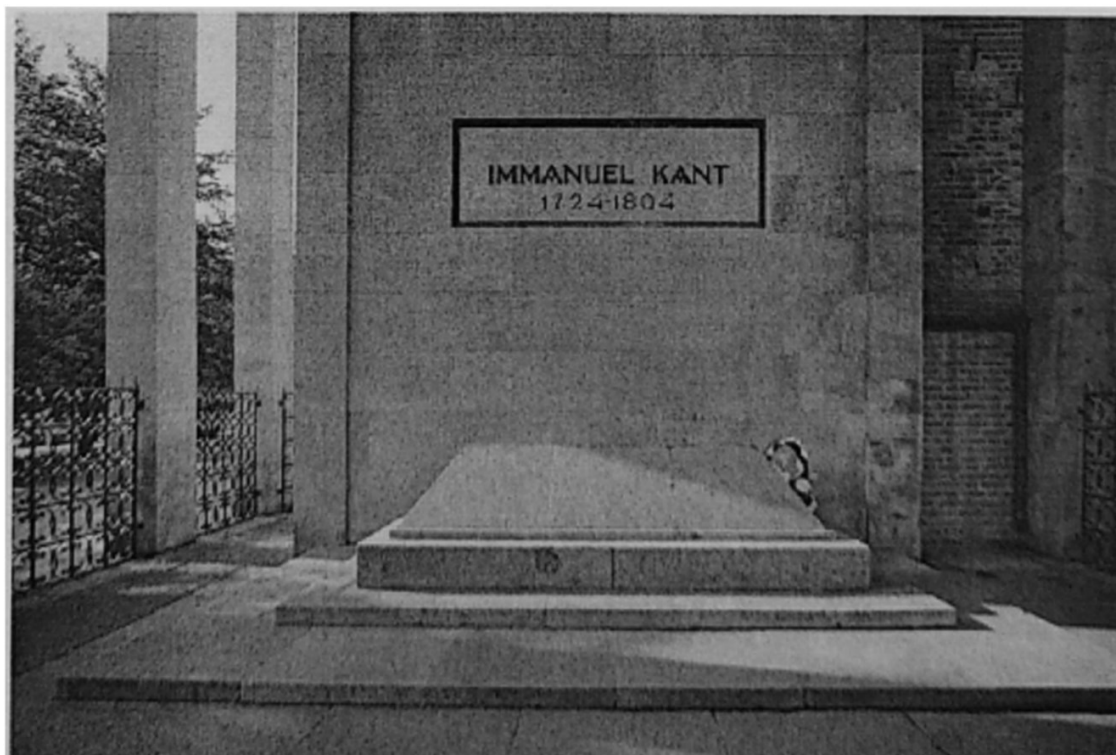

Рыбная деревня

Кафедральный собор

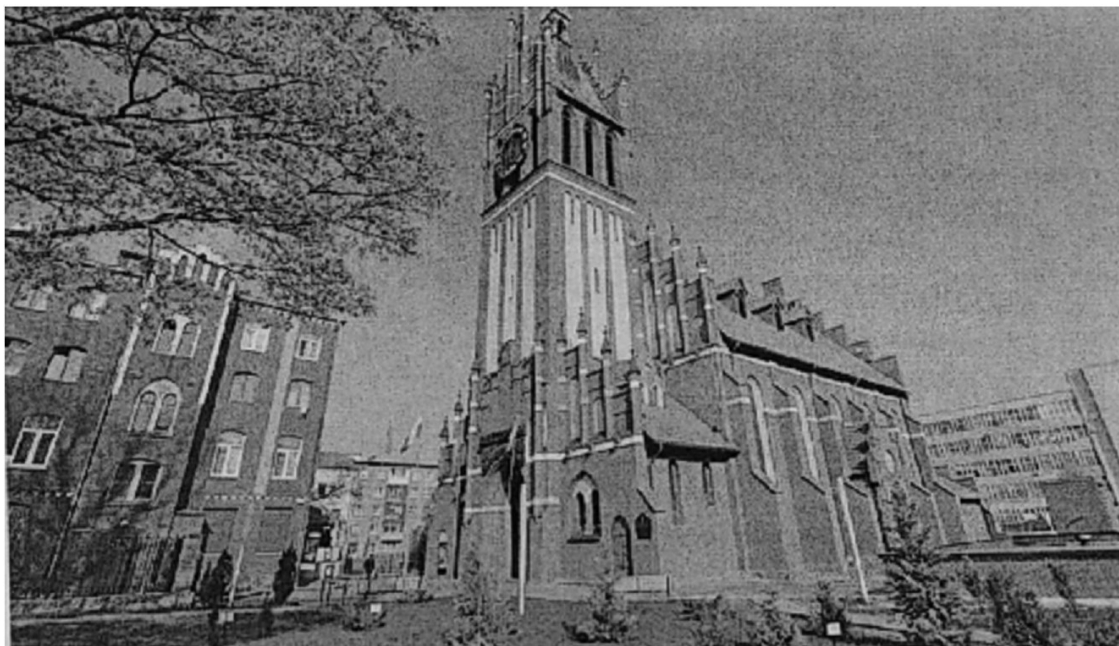
Могила Иммануила Канта

Один из районов бывшего Кёнигсберга, сформировался вокруг дворянской усадьбы. В начале XX столетия он располагался за городской чертой. В застройке улиц принимали участие знаменитые прусские архитекторы, которые спроектировали большинство сооружений в югендстиле. В основном район застроен вилами начала XX века (многие из них отчаянно нуждаются в реставрации) вперемешку с послевоенными советскими зданиями.

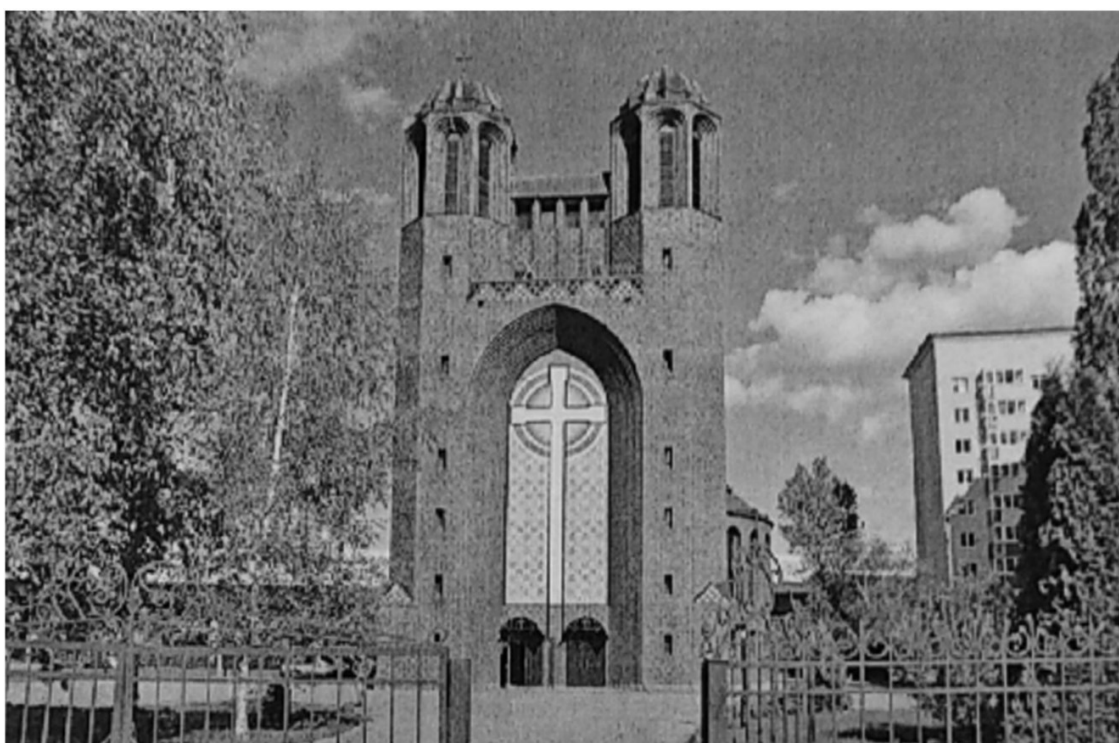
Великий философ Иммануил Кант родился и умер в Кёнигсберге. Он похоронен у северной стены кафедрального собора. До 1924 года над его могилой стояла небольшая часовня,

позже ее сменил более внушительный мемориал на постаменте из гранита с каменной колоннадой. Усыпальницу часто посещают поклонники творчества мыслителя, приезжающие в Калининград из разных стран.

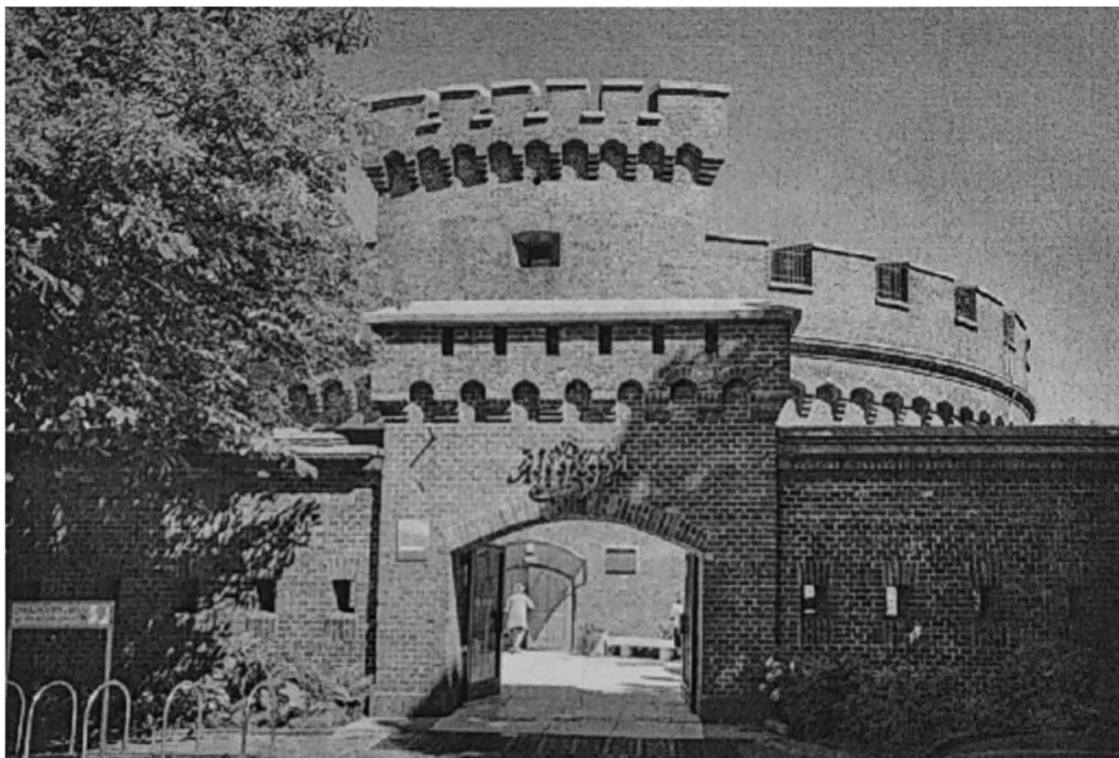
Православный храм, расположен в здании бывшей лютеранской церкви. Его соорудили в 1930-х гг., когда Кёнигсберг был еще частью Восточной Пруссии. Оригинальный стиль постройки можно определить, как модерн с примесью неоклассицизма и готики. Во время войны здание почти не пострадало, в последующие годы его использовали под хозяйственные нужды. В 1986 году церковь передали православной общине.

Кирха Святого Семейства

Крестовоздвиженский собор

Башня Дона

Здание Кёнигсбергской биржи

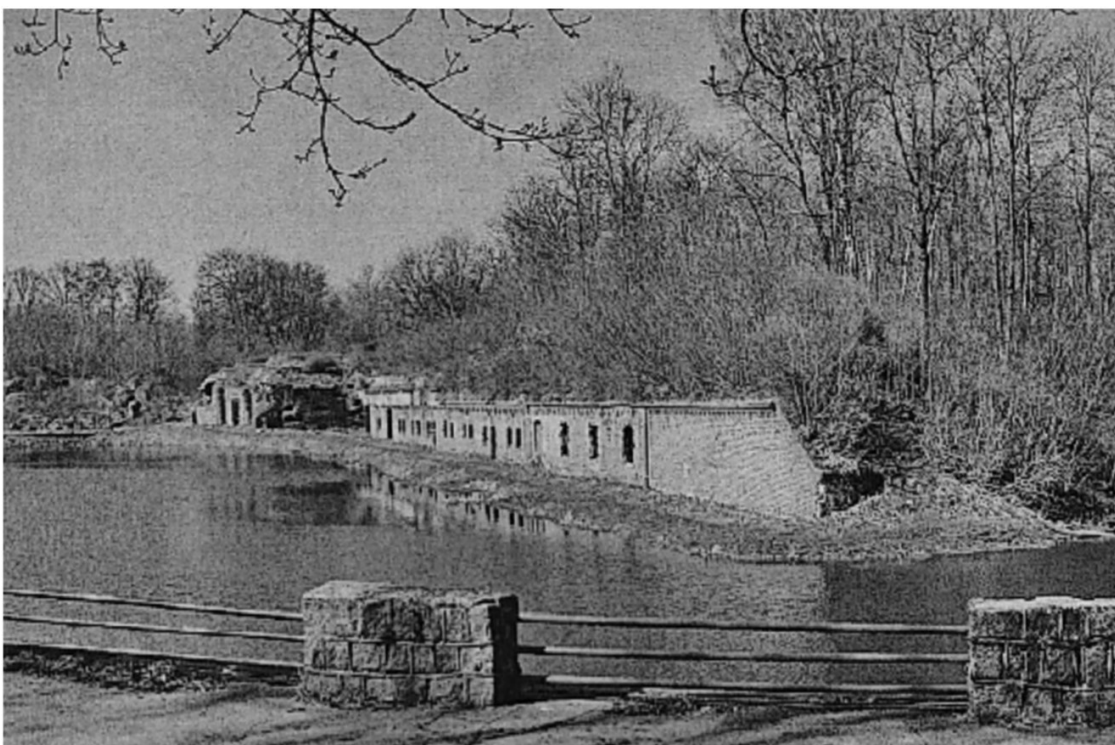
Сооружение построено в 1870-х годах по проекту бременского архитектора Г. Мюллера в стиле неоренессанс. Помимо своего основного назначения – проведения торгов, оно часто использовалось в качестве выставочного и концертного залов. После войны здание долго находилось в плачевном состоянии, почти в руинах. Реконструкцию провели только в 1960-х годах, сохранив первоначальный облик.

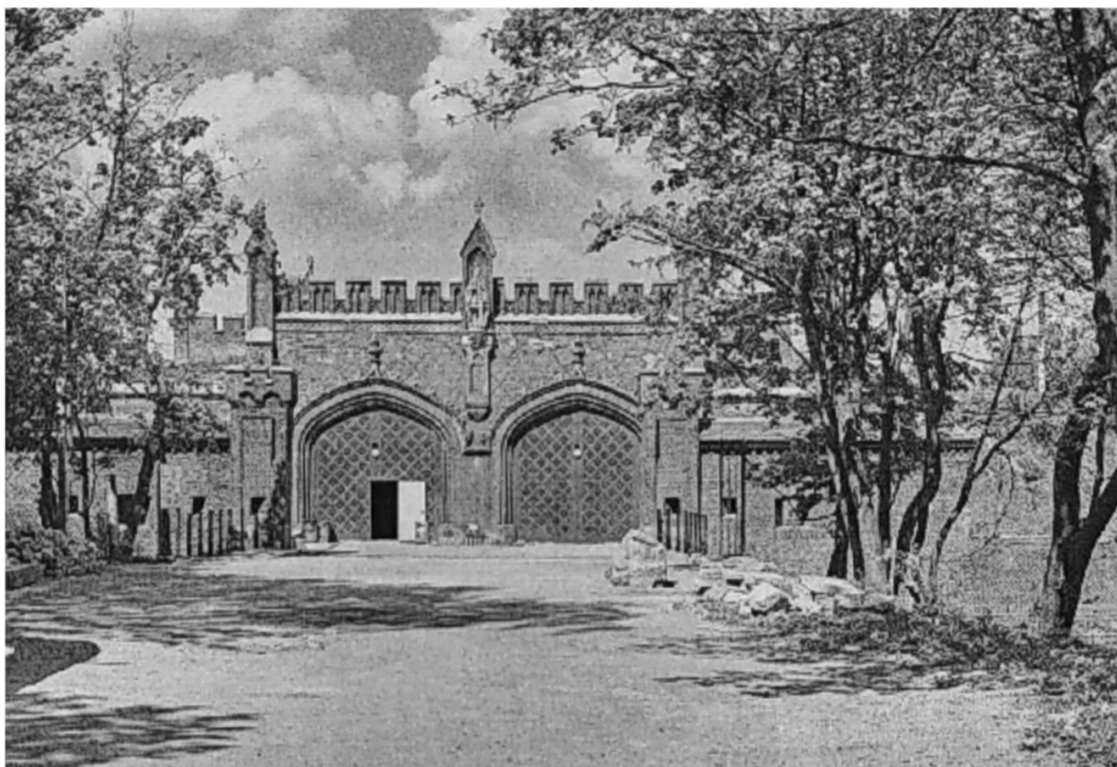
Здание Кёнигсбергской биржи

Форт Фридрих Вильгельм III

Сегодня сооружение представляет собой шестиугольную постройку из бетона и кирпича, протянувшуюся в длину на 215 метров и в ширину на 105 метров. Во время штурма города в 1945 году форт был сильно разрушен.

Форт Фридрих Вильгельм III

Фридландские ворота

Ворота в неоготическом стиле, одно из семи сохранившихся сооружений такого типа в Калининграде. Предполагается, что они были возведены в период 1857–1982 годы по проекту неизвестного архитектора.

Брандебургские ворота

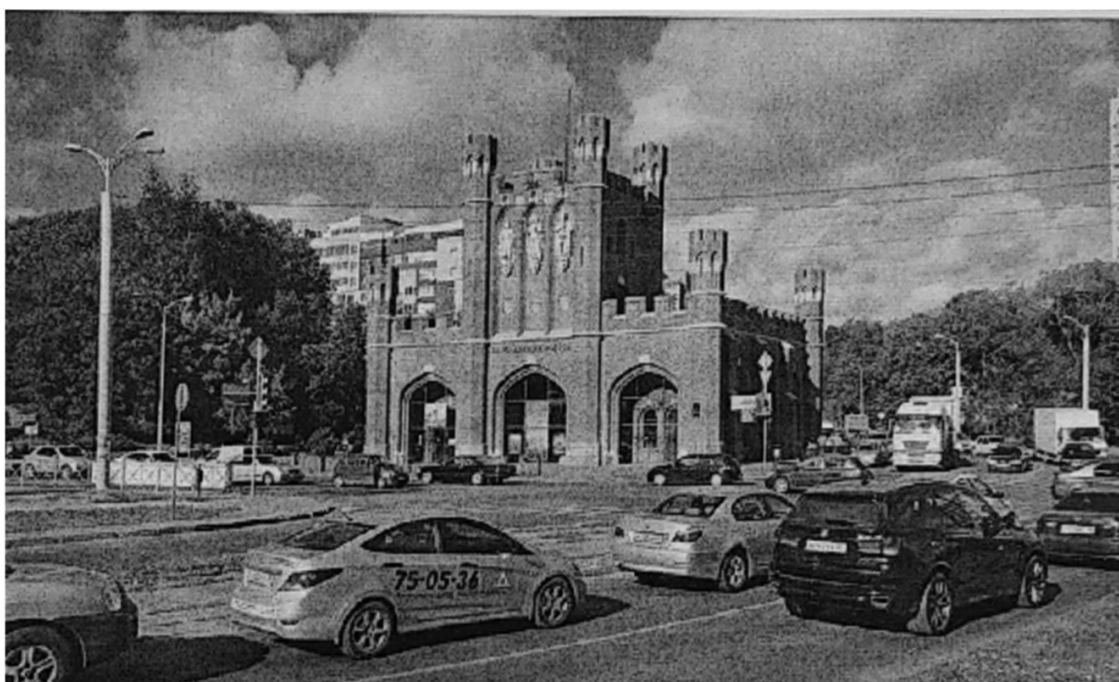
Еще одни ворота крепости, стоящие на границе исторического района Хаберберг. Они до сих пор выполняют свои прямые функции.

Брандебургские ворота

Королевские ворота

Сооружение в псевдоготической манере, выстроенное в XIX веке (самые первые ворота стояли здесь с начала XVIII столетия).

Королевские ворота

Закхаймские ворота

Самые первые ворота появились здесь в XVII веке. Раньше сооружение выполняло оборонительную и контрольно-пропускную функции.

Закхаймские ворота

Росгартенские ворота

Ворота в нынешнем виде появились в Кёнигсберге в XIX веке (в XVIII на их месте стояла деревянная конструкция). Считается, что именно через них проезжал легендарный барон Мюнхгаузен, когда возвращался из России в Германию. Ворота возведены из красного кирпича в стиле псевдоготики. Они украшены портретами известных прусских генералов: Д. фон Шарнхорста и А. фон Гнейзенау.

Росгартенские ворота

Фридрихсбургские ворота

Проход предназначался не для въезда в Кёнигсберг, а для обеспечения доступа в Фридрихсбургскую крепость. Ворота построили в 1852 году. Они дошли до наших дней практически в первоначальном виде, несмотря на то, что были сильно повреждены во время войны. Некоторое время конструкция даже находилась под угрозой сноса, но все же её удалось сохранить для потомков.

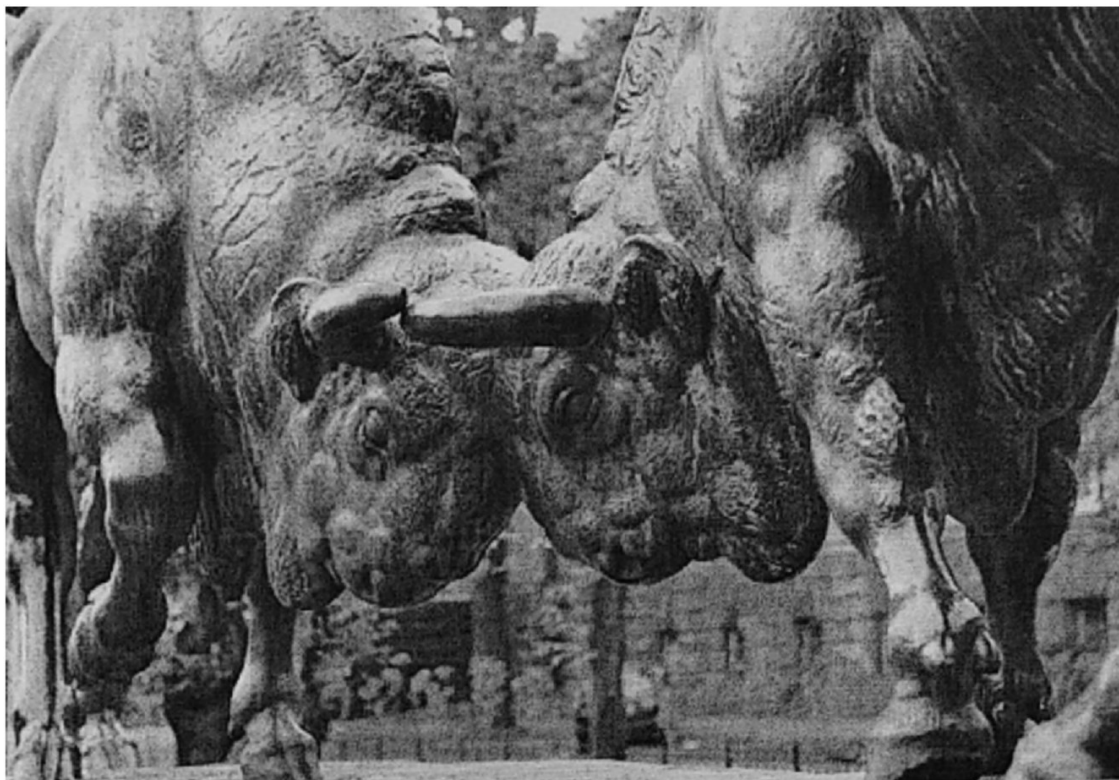

Фридрихсбургские ворота

Скульптура «Борющиеся зубры»

Скульптурная группа работы А. Гауля, созданная в 1912 году. Этот мастер был одним из самых известных анималистов своего времени. Композиция выполнена в виде фигур двух могучих зубров, сцепившихся между собой в схватке. Скульптура успешно пережила военные годы, она до сих пор украшает улицы Калининграда и является одной из городских достопримечательностей. В 2006 году ее реконструировали и восстановили фонтан.

Скульптура «Борющиеся зубры»

Часть II

Москва. Работа. Любовь. РККА. Призыв и служба в армии. Дружба. Броня крепка и танки наши быстры. «Любовь нечаянно нагрянет. Дембель. Альбом

Москва. Работа. Любовь. РККА¹¹

Родину переменять нельзя. Она всегда остаётся с тобой. Даже ежели ты давно уже там не живёшь и даже преуспел где-то в иных регионах мира – всё равно, если не она с тобой, то ты уж точно с ней. Почему вдруг неожиданно например, пожилого жителя Москвы, охватывает странная тоска по местам, о которых он давно забыл. И о друзьях. Со многими он уже никогда не увидится.

Но тень воспоминания никуда не уходит, так и бредет чуть-чуть сзади и справа от нашего героя, Вениамина. Мама прозвала его счастливым. А раз мама сказала, то значит так и должно быть.

В 1920 годах в семье аптекарей Фогелей царило оживление. Нет, скорее – взволнованная растерянность. А раз так, то дело проверенное – собирать клан Фогелей, в помощь к Минне пригласить Фиру, племянницу, и начинать, как смеялись записные острословы, кёнигсбергский синедрин.

Не обошлось и без самого важного лица – реба Цви Дуннера.

Из-за чего весь этот сыр-бор начался. Из-за письма, полученного главой семьи аптекарей. И откуда! Да-да, именно оттуда, из этой загадочной, страшной и по сути совершенно неизвестной Совдепии. То есть, из СССР – страны рабочих и крестьян, до которой Фогелям, да и остальным жителям славного города Кёнигсберга было, как говорится, «глубоко до лампочки». Кстати, только еврейские люди задались вопросом, как же так? «Глубоко до лампочки». Вот высоко до лампочки, вообще через всё до лампочки ещё ясно и понятно. Мол, лежишь себе на диване, лампочка, естественно, наверху, да и фиг с ней. Ну вот чтобы было что-то «глубоко» а там лампочка – чтобы это всё значило? А определённно ясно, это что-то значит. Но что? Вот и занимались вполне серьёзно этим вопросом философы– ортодоксы.

Итак, письмо. Его, после соответствующей молитвы, хозяин дома огласил. Эх, может и лучше, если бы не было бы никакого эдакого письма. А может наоборот. Кстати, на собрании и Вениамин присутствовал. Хоть и мал, но из аппаратов его, которые он важно называл радиостанциями, уже неслись хриплые английские песни, нежные романсы польских паненок и даже литваки что-то декламировали.

В общем, к Вене начинали относиться уважительно. Папа был доволен.

А маму больше беспокоила эта Баська. Просто иногда рассеянный Вениамин Минну почему-то начинал звать Басей.

Так вот, огласил главный Фогель письмо.

На официальном бланке:

¹¹ РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

*«Народный Комиссариат здравоохранения СССР.
Город Москва
Садово-Черногрязска, я 15.
17 апреля 1924 года.*

*Город Кёнигсберг.
Синагогенистрассе, 7
господину Фогелю М. Э.*

Уважаемый господин Фогель. Наркомздрав СССР с большим вниманием изучает постановку аптечного дела в Европе. Комиссией Наркомздрава СССР признана одной из наиболее удачных схем аптечного дела ваша организация подготовки лекарства, их реклама, хранение и распространение.

В этой связи настоящим Комиссариат предлагает вам, доктор Фогель, контракт на пять (5) лет для организации аптечного дела в СССР, в частности, в Москве. Безусловно, контрактом предусматривается пребывание с вами семьи и, если это необходимо, обслуживающего персонала, но не более 4 человек.

В случае вашего желания, законодательный орган государства, Центральный Исполнительный Комитет, может рассмотреть вопрос о гражданстве вашем и вашей семьи.

*Зам. Наркома здравоохранения СССР
В. Зильберквит,
Доктор медицинских наук, профессор».*

После прочтения в зале наступило огорошенное молчание. Просто настолько неожиданно всё это было, что вся семья, вернее – Фогельный клан онемел. И не обратил внимание на маленький конвертик, приложенной к письму, который наш Фогель никому не показал. Просто на нём была печать и надпись: *«Совершенно секретно. Вскрыть лично Фогелю М. Э. После прочтения – уничтожить».*

Конечно, Михаэль не скрыл, прочел, взяв слово со всех – молчать.

«Главлечсанупр Кремля подтверждает, что основным направлением деятельности доктора Фогеля в СССР, согласно предварительной договоренности, является разработка и лечение первых лиц государства биостимуляторами на основе янтаря, янтарного масла и иных производных янтаря, технология производства которых разработана доктором Фогелем.

*Начальник охраны первых лиц правительства СССР.
Комиссар НКВД Крутов Н. М.»*

Вот в такую историю попал наш Фогель. Как пробормотал его папа, дедушка Эля Фогель, сын Пинхуса:

– Вечно куда-нибудь мы вляпываемся. То в астрологию, где чуть было нашему предку кое-что не оторвали. То вот теперь эти первые лица государства советского. Да не нужно было болтать про наши янтарные биостимуляторы. Так нет, гордыня, прости меня, Господь наш, – и дед Эля так двинул чашку с чаем (кстати, Высоцкого), что Минна срочно убрала залитую салфетку, а Фира не смогла сдержаться, прыснула в фартук. Уже очень смешно, когда дед Эля злится.

Как обычно ситуацию разрядил реб Цви Дуннер.

– Так, любезные господа мои, и что мы имеем, как говорят в Польше, с гуся. Да, правильно, шкваркес. Но здесь пока шкварками и не пахнет. А пахнет гроссе проблемес.

Дуннер все перемешал. Немецкий, идиш.

– Скажу вам прямо. И начну с того, с чего нужно обычно заканчивать речь. То есть, резюме. Так вот, у меня резюме будет в начале. Как рассказывают в Одессе... Кстати, Вениамин – молодой наш Маркони, где это Одесса? Вот, вот, не знаем. Всё больше слушаем по вашим приборчикам Хемниц, Ганновер, Фрейбург, Берлин. Да всё на каких-то волнах. То длинных, то средних. Вот в нашем Балтийском море одни волны – холодные. Поэтому и нет среди нас Фогелей-рыбаков. Мы к холоду непривычны. Всё больше по аптекам да медитацией занимаемся, – и реб стал важно прихлебывать чуть остывший чай.

Все молчали, ибо знали, раз реб начал, да с такими вот отклонениями, то только слушай. Даже скабрезная на вид присказка таит в себе глубинный смысл веков.

– Так вот, в Одессе молодой человек встретил красивую даму и говорит: «Ах мадам, вы так хороши, что давайте завтра поужинаем, а? – Да вы что, с ума сошли! – отвечает дома. Я замужем! Давайте сегодня».

Дуннер сделал паузу для чая, а смеялся только один папа Фогель. Остальные степенные и не очень евреи ничего не поняли. Какая дама? Какая Одесса? Зачем эти намеки на «замужем»? Оно нам надо? – так рассуждали тугодумы Фогели. Верно, верно, кроме гешефта мало чем они интересовались. Ну, а что касается гешефта, то уж тут...

Тем не менее, реб Дуннер, да благословенно имя его, продолжал:

– И вот что я вам скажу, достопочтенный реб Фогель. Только сразу не падайте, хи-хи-хи. Так вот – ехать надо!

Наступила пауза ошеломления. Ну, например, как если бы Эйнштейн, которого ещё не выгнали из Германии, вот здесь рассказал о своей завиральной теории какой-то относительности. И так ведь ясно, что всё у нас, у евреев, относительно. То великий курфюрст Фридрих Вильгельм I допускает евреев, бегущих из Вены от гнусного императора Леопольда I. То он же накладывает на приехавших залог в 1000 талеров. Да разное, разное и здесь бывало. Но в целом славное место, Кёнигсберг был для нас, евреев, немецко-еврейским раем. Хоть и приходилось подчас креститься, что и произошло, вы уж извините, с Фогелями. Ведь уже давно Фогели – христиане. (Но это – днём. А вечером всё равно никуда не деться – еврею).

– Так вот, – продолжал реб Дуннер, – объясню, почему надо ехать в эту непонятную, да и страшноватую страну рабочих и крестьян. И совсем немножечко – евреев. Да потому, что эта первая в мире страна на государственном уровне объявила: если кто начнёт антисемитизм, то получит срок пребывания в местах глухого Севера или, ещё хуже, Дальнего Востока. Обратите внимание. В Москве уже никто не спрашивает: «Вы поджидаете трамвай?» Чтобы не иметь неприятности, все уже давно спрашивают: «Вы подьевреиваете трамвай?»

Теперь дальше, если господа хорошие не устали. Вы скажите, что это вы, ребе, нам советуете! Куда уезжать. В непонятное. Да из которого, как пишут газеты наши, и возврата не бывает. А кому оставить всё нажитое. Вот-вот, вы так рассуждаете, господа мои. Но и малое не сохраним мы! Смотрите! Вышла книга какого-то безумца, бывшего ефрейтора Гитлера. Называется «Mein kampf».

Продаётся, кстати, на каждом углу. Уж вы мне позвольте, любезные господа, утомить вас и прочесть очень коротко из этой книги. А ведь ее читают и читать будут! Откуда только он деньги на издание этой пакости достал. Так вот читаю отрывочки:

«Ну, а известно, что виртуозом из виртуозов по части лжи во все времена были евреи. Евреи никогда не имели своей собственной культуры. Умственное развитие евреев всегда находится в зависимости от других народов. Их интеллект не конструктивен, он только разрушителен. Евреи были и остаются типичными паразитами, они живут за чужой счёт».

Не буду продолжать, а то милая Минна стоит уже пять минут с открытым ртом. Да, да, я вам повторяю, я – Цви Дуннер, главный раввин Восточной Пруссии – ехать и ехать. Уезжать, бросать всё. Ухитриться, свое нажитое попробовать как-нито перевезти. И бежать. Да, господа

любезные. Бежать. Ибо вижу я, все мы погибнем. Пелена на глазах наших. Не понимает народ еврейский – приходит Армагеддон. И вот он, уже стоит на пороге, в лице этого недоноска и импотента ефрейтора. Я знаю, никто меня не будет слушать. Но и никто не спасется. Все погибнем, – последние слова реб произнес почти шёпотом.

В доме стояла мертвая тишина. Пожалуй, впервые так ясно и четко было произнесено это страшное пророчество. В которое евреи так и не поверили. Ну, а Фогели, к удивлению всех и прежде всего, самих себя, начали собираться, продавая потихоньку, без особого ажиотажа имущество и упаковывая свои аптеки.

С травами, бальзамами, мазями, таблетками, весами и драгоценными медицинскими книгами и манускриптами, коим цены не было.

С близкими друзьями условились как обмениваться письмами. А так как письменное, да и иное сообщение было крайне затруднительно и даже опасно, то условились умные иудеи о сложной, но гарантированной передаче сообщений. О чём были письма, мы в дальнейшем расскажем.

И в 1925 году тронулось всё это в путь, морем до Риги, а из Риги по железной дороге до Москвы, до Виндавского вокзала. Где их уже встречали.

Страна другая – «порядки новые».

Лагерный афоризм

К моменту прибытия приглашенного герра доктора Фогеля с домочадцами в Наркомздраве, в иностранном отделе и у самого Наркома происходили не совсем приятные разговоры. Иначе, объяснение. Объяснялся с наркомом молодой человек. В очках, конечно. Да два языка знал, какой же он без языков иностранный, прости Господи, отдел. Вернее, не объяснялся, а выслушивал тирады наркома здравоохранения. Нарком, крепкий администратор с ещё дореволюционным партийным стажем, был переведён в Наркомздрав из органов. Проштрафился по делу пустячному, по женскому. Но так как нужны были там, в органах, только люди с чистыми руками и прочими членами, то и выперли нашего комиссара НКВД в Наркомздрав. За него лично звонил всесоюзный староста Миша Калинин. Вроде бы они были даже из одного села. Всё это к тому, что нарком был – управленец. И чем управляет, то ли жизнями населения, то ли здоровьем страны, это как партия прикажет. Пока же он сталкивается в Наркомздраве с вопиющей безответственностью, безалаберщиной и явным непониманием во вверенном ему коллективе текущего политического момента.

– Ну смотрите, куда это годится. – Слышится гневная тирада. – Заключили договор с каким-то немцем Фогелем. Аптекарем. Платим просто золотыми рублями. А кто этот Фогель. Да шарлатан, обещает лечить посредством растирания каких-то камешков по коже тела. И, мол, от этого идёт омоложение организма, в чём очень нуждается особенно руководящий состав партии и правительства. Да вот и нет! – закричал вдруг Наркомздрав товарищ Дружинин Карл Казимирович, эстонец, кстати. И грохнул по столу кулаком эстонским, значит очень крепким. – Руководящий состав нуждается только в правильном выполнении линии партии. А как мы эту линию выполняем? Вот немец Фогель. Где его селить. Сынка, верно барчук, в какую школу определять. К какой аптеке прикреплять. И в конце концов – кто это додумался его вообще вытащить. Будто у нас своих немцев нет, – неожиданно ляпнул Наркомздрав.

Вмешался незаметный в штатском.

– Товарищ нарком, разрешите доложить. Органами установлено, что контракт и вызов оформлен по инициативе зам. наркома Валерия Наумовича Зильберквита, профессора. Согласовано с начальником охраны первых лиц государства комиссаром НКВД Крутовым Николаем Михайловичем.

– Это меняет дело. Так, размещайте Фогеля и его семейство. На среду пригласите аптекаря на беседу. Вызвать ко мне Зильберквита.

– Этого сделать невозможно. Он нами арестован два дня назад, как не разоружившийся троцкист, – произнес товарищ в штатском.

– Так, это новые вводные, – как-то даже обрадованно произнес Карл Казимирович. – Разместите Фогеля поблизости к Лефортову, да попроще. Парня – в обычную школу. Пусть хлебнут нашего быта. А горничную да убиральщицу в коммуналку. Выполнять!

Родина кончается – жизнь только начинается.

Лагерная присказка

Ежели от площади Разгуляй, (что названа по имени знаменитого кабака) пойти по Доброслободской улице, да повернуть в первый левый переулок, то аккуратно и попадёшь в переулок Аптекарский. В самом его начале, в угловом доме – аптека. Ещё со времен императрицы Елизаветы существует. А ежели вверх к Лефортову идти, то в середине Аптекарского, в глубине дворов увидишь одноэтажный барак. С тремя подъездами, где и проживал народ московский. Разный.

Барак был разделен на секции. Каждая секция состояла из трех жилых комнат и кухни с русской печкой. Кроме этой печки практически в каждой семье находились так называемые буржуйки, печки, которым в суровое время войн да революций цены не было. Только дровами обеспечивай и не забывай задвижку открывать. Это – чтобы не угореть. Вот в этот самый барак и прибыла семья Фогелей. В полной растерянности и смятении.

Сопровождающей, правда, всё время повторял слово «временно». «Временно, герр Фогель, вы только не волнуйтесь, временно».

Фогель и не волновался. Он улыбался. Ибо ему давно рассказывали, что барак был построен ещё в 1840-х годах его пра-пра... – доктором Фогелем для своих аптечных дел сотрудников.

Теперь же, учитывая московский жилищный кризис, был барак уплотнен дальше некуда. Верно, в нескольких комнатах остались ещё потомки сотрудников аптечных. Но в целом публика была разношерстная. Да и как иначе, в первые послереволюционные годы. Как говорится, каждой твари по паре. На мутной революционной волне какой только накипи не появилось. Но быть в растерянности в те послереволюционные времена было просто нельзя. Чуть не доглядел, враз что-нибудь отхрумят. То есть, или отнимут, или украдут.

Семейство Фогелей споро носило свой скарб в выделенную секцию. Дед Эля произносил при этом – всё возвращается на круги своя. Что он имел в виду?

Веня строго следил за своими ящиками с инструментарием. Мама пыталась разобраться в печке и всё-таки зажгла керогаз немецкого производства. Для разогрева снеди. Ведь еврейские женщины, особенно жёны, носят в себе память тысячелетий. Куда бы не пришёл, прибежал или приехал, твой род, пока муж расседлывает верблюдов или иной транспорт, твоя, женщина, задача – разожги костер да приготовь. Не можешь приготовить – разогрей.

Всё это происходило и в бараке. Как потом узнали Фогели, барак в начале основания назывался или немецкий, или аптечный. Воистину – всё возвращается на круги своя.

А смешное началось сразу. Пока растаскивали вещи, во двореке перед баракком плотная такая женщина снимала белье с веревок. Впервые Веня увидел деревянная скрепки. Они, как патронные ленты, висели на шее тётеньки, которая белье снимала, да в таз его укладывала. Но и на работу Фогелей поглядывала. Нет, не злобно. Но и не доброжелательно. А так, пожалуй, с интересом. Да и как иначе. Ведь новые соседи. Да какие. Ибо уже молва разнесла: мол, из-за границы, из самой Германии приехал бывший хозяин аптек Моисей Фогель с семейством. Для излечения, говорят, главного у большевиков, не то Калинина, не то Ленина. Ох, тьфу ты, Господи прости. Ленин-то уже который год как помер. Может – оживлять (и все тихонько хихикали). Нет, господа, видно не очень лояльный был этот немецко-аптечный барак. К народной нашей власти.

Кстати, все Фогели практически год учили язык новой страны пребывания. Впрочем, ясно, иудеям не привыкать. Для этого был нанят российский эмигрант, штабс-капитан императорской армии Перфилов Юрий Абрамович. Кстати, из староверов. Учитывая, что до побега из Совдепии в эмиграцию, штабс-капитан прошел войну 1914–1917 годов, кормил вшей в окопах и приобретал жестокий ревматизм в белорусских болотах, его российский язык приобрёл фронтовые оттенки.

Поэтому он в первую очередь обучил «обслуживающий персонал» – Минну и Фиру. А с хозяйкой и Фогелем старался изъясняться на языке Лермонтова и Тургенева. Ох, не просто было Юрию Абрамовичу. Нет, не просто. Но за место он держался зубами, как и все эмигрантские россияне, вдруг в одночасье превратившиеся в ничто.

Нет, нет, господа, жить – надо. Короче, после разгрузки Минна, краснея, обратилась к хозяйке. Очень уж ей нужно было в туалет. Хозяйка, то есть мама Веньки, спросила об этом даму–соседку, которая уже бельё практически сняла, но уходить не торопилась. И разгружали немцы интересные вещи. В основном – непонятного назначения. Или даже может и очень понятного. Например – бутылки. Явно, для самогона. А змеевик даже не прячут. Ну и ну!

Короче, спросила хозяйка, где мол здесь нужник. И у кого ключик от индивидуального, только им, Фогелям, предписанного сортира. Соседка засмеялась, а затем твёрдо сказала:

– Туалет у нас за домом, но вы все туда не ходите, – и внимательно посмотрела на Минну. Минна – рдела. Она вообще краснела быстро и почти всем телом. То есть, лицо, шея, плечи, и что там ещё – начинали рдеть сразу ещё до того, как Минна об этом подумает. Минна была высокая, красивая девушка, блондинка конечно, немного за 30, сохранившая можно сказать, невинность. То есть, этого самого у неё ещё не происходило, отчего бедный организм Минны, да и она сама – страдали.

– Так, – продолжала соседка, – ежели по малому делу, то берите банку и потом ее у туалета выливайте. А уж по большому – это у нас все пользуются ведрами. А в туалет и близко не подходите. Мы уже года два туда просто зайти не в состоянии. Может вам хозяин теперь дело это выправит.

И как в воду глядела соседка. Дела туалетные выправились вот каким образом. Фогель через два дня, взяв маленький баул, куда-то уехал на «эмке». Приезжал за ним вроде Паукер, начальник охраны САМОГО. Кому уж и что разъяснял Фогель, нам неизвестно, но через пять дней во дворик прибыли машины с пиломатериалами да военные строители. Они всё делали молча, быстро и правильно. К каждой секции барака была пристроена будка с унитазом и душем, проведён водопровод на кухню и сделана врезка в трубу очистных сооружений. Эх, обменивались мыслями жители бараков, нам бы таких немцев, да побольше. Вот бы зажили. А Минна краснела, да что делать-то? Фирка, нахалка, хохотала, Вениамин тоже стеснялся. Короче, стеснение – стеснением, а природа свое требовала. Вот и всё тут. Поэтому и банки, и ведра были использованы.

А военный подошёл к главному Фогелю, попросил его расписаться тут и тут. Сообщил, что газификация произойдет не ранее, чем через два года, хлопнул кёнигсбергского ликера «Красная язва» полстакана и был таков.

* * *

А годы неожиданно полетели быстро. И уже стало понятно, что барак – это не «временно» и нужно запастись дровами для печки. Свечами и керосином для вечера. И терпением – на все времена года. Вениамин открывал новый мир. Да какой. Где все владеют всем. Поэтому почему-то и воруют по-чёрному. То есть – помногу.

Мир открывался. Утро. Вениамин вышел во двор и вдруг что-то так остро уколола его в самое сердце. Даже более. Задело и душу. Веня не понимал ещё многое, но вдруг почувство-

вал, как он тоскует по своему дому в Кёнигсберге, по дворикам и добротным кирпичным стенам, укрытым плющом и украшенным розами. Ему на миг показалось, что никогда он уже не увидит свой родной город, улицу. Своих ребят – Файла-байтла, Арона, Моню-косого. И Басю не увидит. «Верно, забудет она меня», – подумал Венька.

И с удивлением смотрел на дворик. Ещё бы, как много неожиданного и абсолютно непонятного для его совершенно еще не окрепшего немецко-еврейского мозга каждый день и каждый час приносит этот дворик перед бараком. В котором «временно» расселилось семейство Фогелей.

А двор ежечасно раскрывал всё новые и новые странности жизни. Советской. Счастливой и без всякой эксплуатации. Перед окнами каждой семьи росли цветы. Это вроде бы был маленький клочок жизни, о которой так мечтали свободные россияне. Да где там, никакого такого земельного надела никто никогда из них не получил, за исключением известного, что уж получит каждый, переходящий в иной мир.

Но Веню пока эти высокие материи особо не затрагивали. А удивляло его, что каждый клочок земли перед окнами был огорожен. Напоминаем, барак одноэтажный, да старый, уже окна потихоньку вместе с бараком стали ближе к земле. Оградки были железные. Оказывается, это спинки кроватей. Заржавленные, со свинцовыми шариками и погнутыми прутьями, спинки тихонько взывали хозяевам – покрасьте нас, хотя бы. Как же, как же! Вот такие ржавые загородочки «охраняли» полметра земли, на котором перед окнами буйно краснела герань, голубели незабудки, примулы и главное – в осень рдели астры. Да, это было красиво, но ржавые кроватные спинки здорово диссонировали с буйством цветов перед окнами.

Приглядевшись внимательно, Венька обнаружил и другую особенность воспроизводства цветов местными жителями. То есть, никаких грядок и в помине не было. Перед каждым окном находились уже вросшие в землю чайники с оторванными носиками, тазы с пробитыми днищами, кастрюли, даже детские ванночки. Все они с проржавевшим дном, из которого бойко, споро и радостно вырывалась на свет это красота: незабудки, астры, примулы, колокольчики. Ну и герань – конечно.

Увидел, к своему удивлению, и три – четыре ночных горшка. Все голубого почему-то цвета, с разбитыми и ржавыми днищами, из которых выглядывали ярко-красные головки маков. Нет-нет ни понять, ни забыть такого способа ведения палисадного хозяйства Венька не мог долгие годы.

Во дворе жили активной жизнью ребята. Многие – Вениного возраста. Поэтому знакомство состоялось быстро. Просто компания ребятешек подошла к стоявшему задумчивости Вениамину и видно главный грубовато спросил:

– Чё, немец, нравится? – И он широко повел рукой, даря Веньке и двор с бельевыми веревками, и палисаднички и даже до нельзя вонючую будку общественного туалета, которую в конец загадили местные жители.

Венька ответить не смог. Ещё так быстро не ложились в него русские подчас странные фразы, типа «башню клинит», «ботало», «братъ на понт»¹², да и так далее, без остановок. Этот набор непонятных слов беспрестанно менялся, и Веня решил для себя просто – помолчать. А тихий мальчик, стоящий чуть в стороне, неожиданно сказал:

– Ты, Жека, его на понт не бери. Он ещё и по-нашему, видно, не силён.

Звали мальчика Игорь.

Вот так и познакомились. И стала компания дворовая надолго близкой и уж точно, ежели откуда-нибудь грозит опасность – ребята тут как тут.

Но были и особенности. Совершенно непонятные Вене, всё детство проведенного на улице Синагогенштрассе в тихом, но славном городе Кёнигсберге. Нет, это уж точно не друзья детства

¹² Башню клинит – голова не соображает (*жарг.*). Ботало – язык (*жарг.*). Братъ на понт – братъ на испуг (*жарг.*).

Евсей, Алик, Герш, Файтл, Мендел. Совсем другой мир. Впрочем, Венька так ещё рассуждать не мог, но уже чувствовал.

Удивительно, но почему-то эти новые друзья почти каждый стремился показать, что именно он сильнее других. Все хотели подраться и всегда искали, не идут ли по улке пацаны иных дворов. А ежели идут, то уже драться – обязательно. Правда, иногда перед дракой Жека давал команду:

– Ты, немец, с нами не ходи.

Прозвище «немец» так и прилипло к Вениамину. И хоть он не особенно активно объяснял, что он вовсе даже еврей, но Арик и Жека, да и Сашка покровительственно говорили:

– Это ты, Венька, для других – еврей. А для нас немец. Прямо – натуральный.

А Венька все старался изучать Москву. Новый город, в котором, как со вздохом говорила мама, теперь приходится жить.

Постепенно Москва 1920–1930 годов пробиралась к Веньке. И иногда по утрам он уже не ждал крика чаек на мостах речки Прегель. А слушал гульканье голубей, которых спозаранок Витька Безлепка начинал гонять в нашем, уже нашим, Аптекарском дворе.

И подъём с жестковатого диванчика был в радость. Можно сразу украсть у Минны кусок тёплого каравая.

– Ах ты, зеер шлехт¹³ малчишка! – Ругалась, краснея, Минна. Было от чего краснеть. Опять молодой пожарник топал мимо окон Фогелей. Ну кто думал, что суждено милой, стройной Минне найти свое счастье в этой забытой богом Московии, да еще в Аптекарском, где до сих пор не может она, нежная и стеснительная Минна приспособиться к литровой банке и ведру. Да ещё без крышки.

А печь уже топилась. Слышался стук копыт. Тянули битюги телеги в Лефортово. И вовсе не в тягость было, когда мама отправляла Веньку на рынок. Конечно, что рядом. С названием – Немецкий. И запахи капусты разных засолов витали по всему кварталу. Тут же тебе дадут глотнуть и рассола. А уж огуречный рассол – нет ничего лучше. Правда – есть ещё рыба сельдь. Конечно, это не наша, балтийская, а какая-то большая, из-под Мурманска. Или из Каспия – называется залом. Мама ахала: Бог мой, чего только нет в этом СССР.

А рынок лил молоко из крынок. Или продавал топлёное с такой пенкой, что сразу хотелось пить и плясать. Да и пели. И плясали. И гадали. Цыгане. Над крышами палаток трещали крыльями голуби.

А бублики. С тмином. Маком. Корицей. Нет, невозможно забыть этот ставший родным «Немецкий», а на самом деле уже «Бауманский» рынок. Идёт Венька, нагруженный снедью к себе в Аптекарский. Мимо редко-редко да грузовик завода АМО.

Сейчас придёт во двор, там уже ребята ждут гулять. Или на Лефортовы пруды – купаться. А то ещё заманчивее, хоть и немного жутковато, это пойти с пацанами на Немецкое кладбище, что в Лефортово, совсем рядом. Строгие могилы немецких чиновников и генералов, а в глубине, среди огромных деревьев, родовые склепы. Но уже революция свершилась. Значит склепы разрушены. Гробы перевёрнуты. Все ходили слухи о несметных сокровищах в этих склепах. Как же! Но зажечь ночью костерок, да пригреться на матрасе под боком у усопшего давным-давно статского советника Даниеля Клугера – милое дело. Неожиданно Веня припомнили стихи:

«... Ты пройдишь сперва базаром,
Выпей доброго вина,
А потом в домишко старом
Мать увидишь у окна.

¹³ зеер шлехт – очень плохой (нем.).

Ты загляни ей очи прямо,
Так, как ворон мне глядит.
Пусть не знает моя мама,
Что я пулею убит.
Мать уронит свой кувшин.
И промолвит: – Ах, мой сын!
И промолвит: – Ах, мой сын...»¹⁴

Он еще не знал, что в кратком плену, в кровавом 1941 году будет всё время это стихотворение шептать. Тогда, заплывающий болью и гноем от разлагающегося тела, он твердо думал – всё, верно я уже умираю. А мама так и не узнает. К счастью – выжил.

Но вернемся к школьным временам. Веню определили в 346 школу, куда ходили и все дворовые. Понеслись школьные, милые, бесшабашные годы. Но для Веньки трудные, очень уж не пошло у него обучение в средней школе. Находилась школа в Токмаковом переулке. Вообще, этот золотой треугольник – старая Басманная, новая Басманная, да переулки – Добро-слободской, Токмаков, Гороховский, да изумительные церкви – всё это и многое другое составляло старую Москву.

¹⁴ Давид Самойлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.